

Н. Бунаковъ.

4832

НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ

4831

РУССКИХЪ МОГУЧИХЪ БОГАТЫРЯХЪ.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ НАРОДА И НАРОДНЫХЪ ШКОЛЬ,
СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ СЛОВОМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ.

СОСТАВЛЕНО ПО СБОРНИКАМЪ:

Кирши Данилова, Кирѣевского, Рыбникова и др.

ИЗДАНИЕ 2-е, ИСПРАВЛЕННОЕ.

Изданіе включено въ каталогъ книгъ М. Н. Пр. для бесплатныхъ народныхъ читателей.

МОСКВА.
Изданіе В. Д. Карчагина.
1900.

8

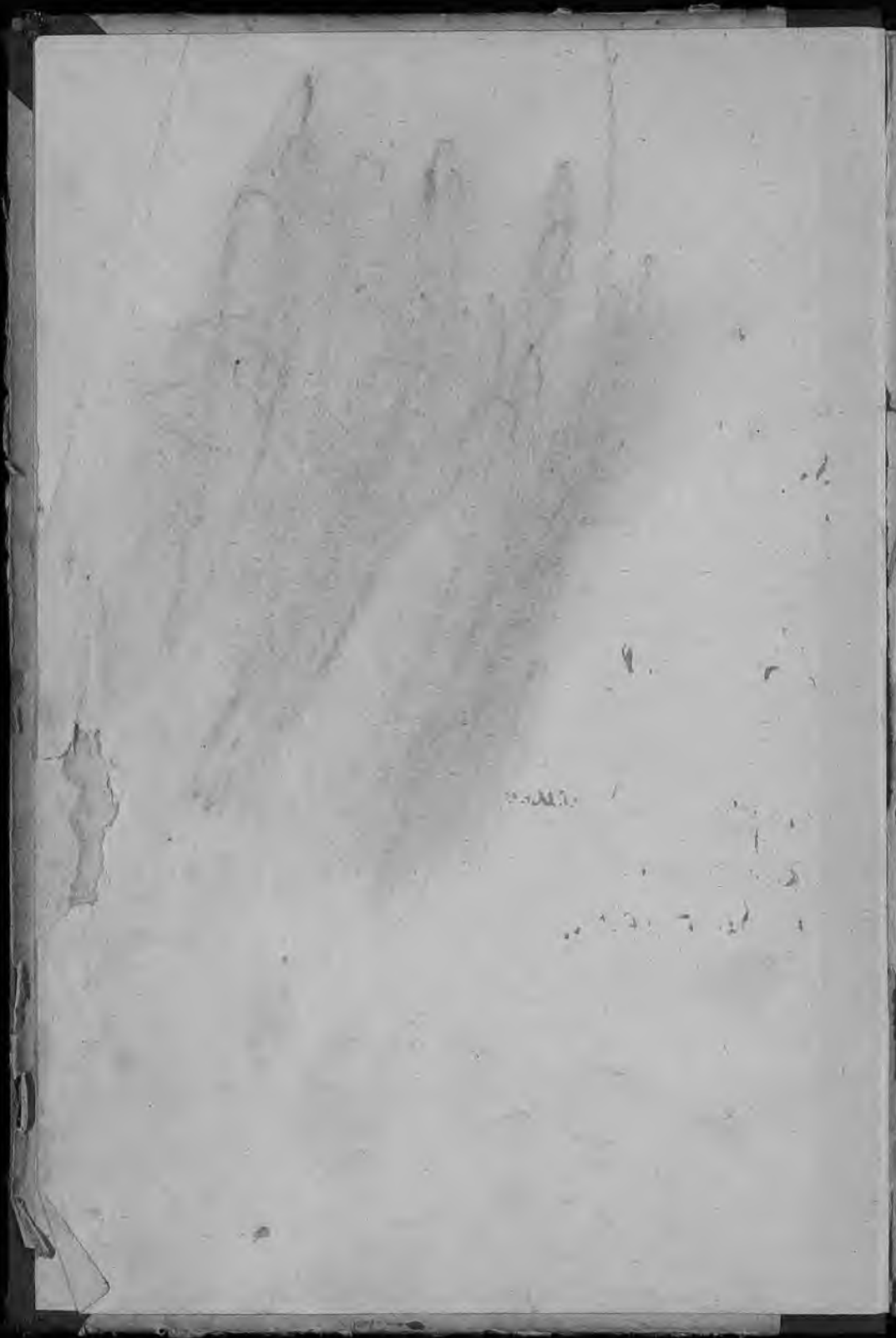
Б-92

Возвратите книгу не позднее
указанного здесь срока.

1931/5/11
928 22/11
908 22/11
16 10/11

891
F. 32

=

Н. Бунаковъ

8
Б 92

НАРОДНЫЯ БЫЛИНЫ
О РУССКИХЪ МОГУЧИХЪ БОГАТЫРЯХЪ.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ НАРОДА И НАРОДНЫХЪ ШКОЛЬ,
СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ СЛОВОМЪ И ПРИМЪЧАНІЯМИ.

СОСТАВЛЕНО ПО СБОРНИКАМЪ:

Кирши Данилова, Кирѣевскаго, Рыбникова и др.

ИЗДАНИЕ 2-е, ИСПРАВЛЕННОЕ.

Первое изданіе включено въ каталогъ книгъ М. Н. Пр. для бесплатныхъ народныхъ читалень.

МОСКВА.
Изданіе В. Д. Карчагина,
1900.

70
4832

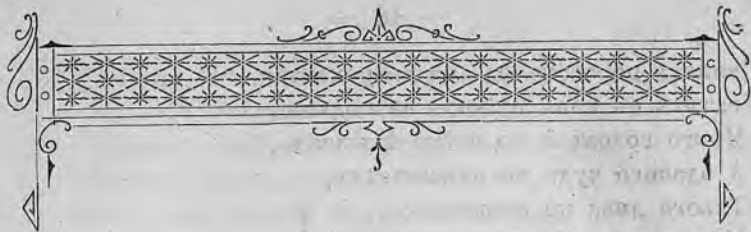
Доволено пензурою. Москва, 16 августа 1900 г.

МОСКВА.

Типо-лит. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о. Пименов. ул., с. д.
1900.

23076

БЫЛИНЫ.

I.

Старшіе богатыри.

1. Святогоръ-богатырь.

На крутыхъ горахъ, на Святыхъ горахъ¹⁾,
Великанъ-богатырь Святогоръ сидѣлъ.
Не носила его мать сырã земля,
Быль онъ выше лѣсу стоячаго,
Головой упиралъ подь облако ходячее.

Снарядился Святогоръ во въ чисто поле гуляти,
Засѣдлаетъ своего добра коня
И ѣдетъ по чисту полю.
Не съ кѣмъ Святогору силой помѣряться,
А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается,—
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
«Какъ бы я тяги нашель,
Такъ я бы всю землю поднялъ!»
Навзжааетъ Святогоръ въ степи
На маленькую сумочку переметную:
Беретъ погонялку, пощупаетъ сумочку—она не скрянется,

¹⁾ Полагають, что подь именемъ *Святыхъ горъ* разумѣются Карпаты.

Двинетъ перстомъ ее—не сворохнется,
Хватить съ коня рукою—не подымется:
«Много годовъ я по свѣту ѣзживаль,
«А эдакого чуда не наѣзживаль,
«Такого дива не видываль;
«Маленькая сумочка переметная
«Не скрянется, не сворохнется, не подымется!»
Слѣзаетъ Святогоръ съ добра коня,
Ухватилъ онъ сумочку объѣма руками ¹⁾,
Поднялъ сумочку повыше колѣнъ:
И по колѣна Святогоръ въ землю угрязъ,
А по бѣду лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ,
Тутъ ему было и конченіе ²⁾.

2. Вольга Святославговичъ и Микулушка Селяниновичъ.

Когда возсіяло солнце красное
На это на небушко на ясное,
Тогда зарождался молодой Вольгѣ,
Молодой Вольгѣ Святославговичъ.
Сталъ Вольгѣ растѣть-матерѣть;
Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему въ глубокіихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подѣ оболока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ;
Уходили всѣ рыбы во синія моря,
Улетали всѣ птички за оболока,

¹⁾ Старинная форма: *двойственное* число.

²⁾ Въ одной изъ былинъ, посвященныхъ Ильѣ Муромцу, какъ мы увидимъ дальше, о кончинѣ Святогора рассказываетя иначе. Но сущность дѣла, смыслъ событія въ обоихъ разсказахъ одинъ и тотъ же, какъ это объяснено въ предисловіи: бродячею кочевую силою овладѣваетъ земля, и вотъ изъ бродячей и бесполезной она, въ лицѣ Ильи Муромца, становится плодотворною земскою силою.

Убѣгали всё звѣри во темные лѣса.
Сталь Вольгѣ растѣть-матерѣть,
Избирать себѣ дружинишку хоробрую,
Тридцать молодцовъ безъ единаго,
Самъ еще Вольгѣ во тридцатыхъ.
Жаловаль его родной дяюшка,
Ласковый Владиміръ стольно-кіевскій
Тремя городами со крестьянами:
Первымъ городомъ Гурчевцомъ,
Другимъ городомъ—Орѣховцемъ,
Третьимъ городомъ—Крестьяновцемъ.
Молодой Вольгѣ Святославговичъ
Со своею дружинишкой хороброю
Онъ поѣхаль къ городамъ за получкою.
Выѣхаль въ раздольице чисто поле,
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ рѣтая:
Ореть въ полѣ рѣтай, понукиваетъ,
Сошка у рѣтая поскрипываетъ,
Омѣшники по камешкамъ почеркиваютъ ¹⁾.
Ѣхаль Вольгѣ до рѣтая
День съ утра онъ до вечера,
Со своею дружинишкой хороброю,
А не могъ онъ до рѣтая доѣхати.
Ѣхаль Вольгѣ еще другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до рѣтая доѣхати.
Ореть въ полѣ рѣтай, понукиваетъ,
Сошка у рѣтая поскрипываетъ,
Омѣшники по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхаль Вольга ещё третій день,
Третій день съ утра до пѣбѣды ²⁾,
Наѣхаль онъ въ чистомъ полѣ рѣтая:
Ореть въ полѣ рѣтай, понукиваетъ,
Съ края въ край бороздки пометываетъ;

1) Омѣшникъ—рало у сохи.

2) Пѣбѣде—передь-обѣденное время.

Въ край онъ уѣдетъ, другого не видать;
Коренья, камня вывертываетъ,
А великіе-то все камни въ борозду валить;
Кобыла у ратая солбая ¹⁾,
Сошка у ратая кленовая,

Гужики у ратая шелковые.

Говорилъ Вольга таковы слова:

«Божья ти помочь, оратаюшко!

«Орать, да пахать, да крестьянствовать ²⁾,

«Съ края въ край бороздки пометывать,

«Коренья, камня вывертывать!»

Говорилъ оратай таковы слова:

— Подитко, Вольга Святославговичъ,

— Со своею со дружинушкой хороброю,

— Мнѣ-ка надобна Божья помочь крестьянствовать!

— Далеко-ль, Вольга, ѣдешь, куда путь держишь

— Со своею со дружинушкой хороброю?—

«Ай же ты, ратаю ратаюшко!

«Вду къ городамъ за получкою:

«Ко первому городу ко Гурчевцу,

«Ко другому ко городу къ Орѣховцу,

«Ко третьему городу ко Крестьяновцу».

Говорилъ оратай таковы слова:

— Ай же, Вольга Святославговичъ!

— А недавно я былъ въ городни, третьего-дни,

— На своей кобылкѣ соловой,

— Увезъ я оттолъ соли столько два мѣха,

— Два мѣха соли по сороку пудъ.

— И живутъ-то мужики все разбойники,

— Они просятъ грошѣвъ подорожныхъ;

— А былъ я съ шалыгой подорожною ³⁾,

— Платилъ имъ гроши подорожные:

— Который стоя стоитъ, тотъ и сидя сидитъ,

¹⁾ *Солбая*—блѣдножелтая.

²⁾ *Крестьянствовать*—заниматься крестьянскимъ дѣломъ.

³⁾ *Шалыга*—плеть съ обвязанной пудей на концѣ, кистень.

— А который сидя сидить, тотъ и лежа лежить.

Говориль Вольгѣ таковы слова:

«Ай же, оратай оратаюшко,

«Поѣдемъ со мною въ товарищахъ!»

Этотъ оратай оратаюшко

Гужики шелковеньки повыстегнулъ,

Кобылку изъ сошки повывернулъ.

Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.

Говорить оратай таковы слова:

— Ай же, Вольга Святославговичъ!

— Оставиль я сошку въ бороздочкѣ,

— И не для ради прохожаго, проѣзжаго,

— А для ради мужика деревенщины;

— Какъ бы сошку съ земельки повыдернути,

— Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнути

— И бросить бы сошку за ракитовъ кустъ? ¹⁾

Молодой Вольга Святославговичъ

Посылаетъ онъ съ дружинушки хоробрыя

Пять молодцевъ могучихъ,

Чтобы сошку съ земельки повыдернули,

Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,

Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.

Эта дружинушка хоробрая,

Пять молодцовъ могучихъ,

Пріѣхали къ сошкѣ кленовой:

Они сошку за обжи ²⁾ вокругъ вертятъ,

А не могутъ сошки съ земельки повыдернути,

Бросить сошку за ракитовъ кустъ.

Молодой Вольга Святославговичъ

Посылаетъ онъ цѣлымъ десяточкомъ,

Чтобы сошку съ земельки повыдернули,

Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнули,

---

1) *Ракитовый кустъ, ракита*—то же, что ветла, бѣлая ива, дерево съ цвѣтами въ сережкахъ, цвѣтеть въ маѣ.

2) *Обжи*—оглобли.

Бросили бы сошку за ракитовъ кустъ.
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ:
Сошки отъ земельки поднять нельзя,
Не могутъ изъ омѣшиковъ земельки повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитовъ кустъ.
Посылалъ онъ всю дружинишку хоробрую:
Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть,
Изъ омѣшиковъ земельки повытряхнути,
Бросить сошку за ракитовъ кустъ.
Подѣхалъ оратай-оратаюшко
На своей кобылкѣ соловенькой
Къ этой ко сошкѣ кленовой:
Бралъ-то онъ сошку одной рукой,
Сошку съ земельки повыдернулъ,
Изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ,
Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.
Сѣли на добрыхъ коней, поѣхали.
Оратая кобылка-то рысью идетъ,
А Вольгинъ-отъ конь и поскакиваетъ;
У оратая кобылка грудью пошла ¹⁾,
А Вольгинъ-отъ конь остается.
Сталъ Вольга тутъ покрикивати,
Колпакомъ Вольга сталъ помахивати:
«Постой-ка ты, ратай-ратаюшко!
«Этая кобылка конькомъ бы была;—
«За эту кобылку пятьсотъ бы дали».
Говорилъ оратай таковы слова:
— Глушый Вольга Святославговичъ!
— Взялъ я кобылку жеребчикомъ сподъ матушки
— И заплатилъ за кобылку пятьсотъ рублей:
— Этая кобылка конькомъ бы была,—
— За эту кобылку смѣты бы нѣтъ.
Говорилъ Вольга Святославговичъ:

¹⁾ Грудью пошла—поскакала.

«Ай же ты, ратаю-ратаюшко!

«Какъ-то тебя именемъ—зовуть,

«Какъ величаютъ по отечеству?

Говорилъ оратай таковы слова:

— Ай же, Вольга Святославговичь!

— А я ржи напашу да во скирды сложу,

— Во скирды сложу, домой выволочу,

— Домой выволочу да дома вымолочу,

— Драни надеру да и пива наварю,

— Пива наварю да и мужичковъ напою,—

— Станутъ мужички меня покликавати:

«Молодой Микулушка Селяниновичь!»

II.

Младшіе богатыри кіевскіе.

1. Илья Муромецъ.

А) Какъ Илья Муромецъ сталъ могучимъ богатыремъ

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое,
Про того Илью про Муромца?

Въ славномъ городѣ во Муромѣ,
Во селѣ было Карачаровѣ,
Жилъ былъ крестьянинъ Иванъ Тимоѣевичъ.
У него было дѣтище любимое,
Илья Муромецъ сынъ Ивановичъ.
Сиднемъ онъ сидѣлъ, Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ,
Сиднемъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ.
Уходилъ государь его батюшка,
Иванъ Тимоѣевичъ, и со матушкой
На работу на крестьянскую.
Какъ приходили двѣ калики перехожія ¹⁾
Подъ тое окошечко косяцато;
Говорятъ калики таковы слова:
«Ай же ты, Илья Муромецъ,
«Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ!

¹⁾ Калики перехожія — богатыри — нишіе странники.

«Отворяй каликамъ ворота широкія,
«Пусти-ка каликъ къ себѣ въ домъ,
«подавай-ка каликамъ напитокя!»

Отвѣтъ держитъ Илья Муромецъ:

— Ай же вы, калики перехожія!

— Радъ бы пустить васъ къ себѣ въ домъ, въ ворота широкія,

— Подаль бы каликамъ напитокя,

— Да вотъ сиднемъ сижу ровно тридцать лѣтъ,

— Не владаю ни руками, ни ногами. —

Опять говорятъ калики перехожія:

«Вставай-ка, Илья, на рѣзвы ноги,

«Отворяй-ка ворота широкія,

«Пускай-ка каликъ къ себѣ въ домъ».

Послушался Илья, силу пробоваль,

И вставаль онъ Илья на рѣзвы ноги,

Отворяль ворота широкія

И пускаль каликъ къ себѣ въ домъ.

Приходили калики перехожія,

Они крестъ кладуть по писаному,

Поклонъ ведутъ по ученому,

Наливають чарку питьица медвянаго,

Подносятъ то Ильѣ Муромцу.

Какъ выпилъ то чару питьица медвянаго,

Богатырско его сердце разгорѣлося,

Его бѣлое тѣло распотѣлося.

Возговорятъ калики таковы слова:

«Что чувствуешь въ себѣ, Илья Муромецъ?»

Билъ челомъ Илья, каликъ поздравствовалъ:

— Слышу въ себѣ силушку великую. —

Говорятъ калики перехожія:

«Будешь ты, Илья, великій богатырь,

«И смерть тебѣ на бою не написана:

«Бейся, ратися со всякимъ богатыремъ»

1) *Поленицы* — богатыри-женщины, которыя тоже занимались „полеваньем“, т. е. ѣздили въ чистое поле на удалые подвиги.

«И со всякою поленицей ¹⁾ удалою,
«А только не выходи драться
«Со Святогоромъ богатыремъ:
«Черезъ силу его земля носить;
«Не ходи драться съ Самсономъ ¹⁾ богатыремъ:
«У него на головѣ семь власовъ Ангельскихъ;
«Не бейся и съ родомъ Микуловымъ ²⁾:
«Его любить матушка-сыра земля;
«Не ходи еще на Вольгу Святославговича:
«Онъ не силою возьметъ,
«Такъ хитростью-мудростью.
«Доставай, Илья, коня себѣ богатырскаго:
«Выходи на раздольице чисто поле,
«Покупай перваго жеребеночка,
«Станови его въ срубъ на три мѣсяца,
«Корми его пшеномъ бѣлояровымъ ³⁾;
«А пройдетъ поры-времени три мѣсяца,
«Ты на три ночи жеребеночка въ саду поваживай,
«И въ три росы ⁴⁾ жеребеночка выкатывай,
«Подводи его къ тыну ⁵⁾ ко высокому,—
«Какъ станетъ жеребенокъ черезъ тынъ перескакивать,
«И въ ту сторону, и въ другую сторону,—
«Поѣзжай на немъ, куда хочешь,
«Будетъ онъ носить тебя, Илью Муромца».
Тутъ калики потерялися.
Пошелъ Илья ко родителю ко батюшку,
На тую на работу на крестьянскую.
Очистить надо палъ ⁶⁾ отъ дубья-колоды:
Онъ дубы-колоды все повирубиль,

1) Самсонъ, подобно Святогору, одинъ изъ старшихъ богатырей.

2) Съ Микулой Селяниновичемъ и его родней.

3) Бѣлояровая пшеница—кукуруза.

4) Заревая роса, по народнымъ вѣрованіямъ, обладаетъ особенною живительною силою.

5) Тынъ—заборъ изъ бревень, поставленныхъ стоймя.

6) Палъ—обгорѣлый лѣсъ.

Въ глубоку рѣку все повыгрузилъ,
А самъ и ешелъ домой.
Встали отецъ съ матерью отъ крѣпкаго сна,
На работу пошли—испужалися:
«Что это за чудо подѣялось?
«Кто бы намъ это сработалъ работушку?»
Работа-то была подѣлана,
И пошли они домой, да дивуются.
Какъ пришли домой, видять:
Ходить по избѣ Илья Муромецъ,—
Стали его спрашивать,
Какъ онъ выздоровѣлъ.
Разказалъ имъ Илья, родителямъ,
Какъ приходили калики перехожія,
Поили его питьецемъ медвянымъ,
И съ того онъ сталъ владать руками и ногами
И силушку получилъ великую.
Пошелъ Илья въ раздольице чисто поле,
Видить: мужикъ ведетъ жеребчика немудраго,
Бураго жеребчика косматенькаго.
Покупалъ Илья того жеребчика,
Что запросилъ мужикъ, то и далъ Илья;
Становилъ жеребчика въ срубъ на три мѣсяца,
Кормилъ его пшеномъ бѣлояровымъ,
Поилъ свѣжей ключевой водой.
И прошло поры-времени три мѣсяца,
Сталъ Илья жеребчика по три noci по саду поваживать,
Въ три росы его выкатывалъ,
Подводилъ ко тыну высокому,
И сталъ бурушко черезъ тынъ перескакивать,
И въ ту сторону, и въ другую сторону.
Тутъ Илья Муромецъ Ивановичъ
Сѣдлалъ добра коня, зануздывалъ,
Бралъ у батюшки, у матушки
Прощеньице-благословеньице
И выѣхалъ въ раздольице чисто поле.

Наѣхалъ Илья въ чистомъ полѣ
На шатерь бѣлополотняный.
Стоитъ шатерь подъ великимъ сырымъ дубомъ,
И въ томъ шатрѣ кровать богатырская не малая:
Долиной кровать десяти сажень,
Шириной кровать шести сажень.
Привязалъ Илья добра коня къ сыру дубу,
Легъ на тую кровать богатырскую
И заснулъ Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ,
А сонъ богатырскій крѣпокъ, —
Заснулъ онъ на три дня и на три ночи.
На третій день услыхалъ его добрый конь
Великій шумъ съ подъ-сѣверныя сторонушки:
Мать-сыра земля колыхается,
Темны лѣсушки шатаются,
Рѣки изъ крутыхъ береговъ выливаются.
Бьетъ его добрый конь копытомъ о сыру землю,
Не можетъ разбудить Илью Муромца.
Прозычилъ онъ языкомъ человѣческимъ;
«Ай же ты, Илья Муромецъ Ивановичь!
«Спишь себѣ, прокладаешься,
«Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь:
«Вдетъ къ шатру Святогоръ-богатырь».
Вставалъ Илья на рѣзвы ноги,
Видитъ: вдетъ богатырь выше лѣсу стоячаго,
Головой упирается подъ облако ходячее.
Приѣхалъ богатырь къ сыру дубу,
Увидалъ онъ Илью Муромца
И сталъ его выпрашивать,
Кто онъ есть и какъ попалъ ему въ бѣлый шатерь.
Илья ему сказалъ все по правдѣ, по истинѣ.
Тогда Святогоръ помѣнялся крестомъ
Съ Ильєю Муромцемъ Ивановичемъ
И назвалъ Илью мѣньшимъ братомъ.
Выучилъ Святогоръ меньшаго брата
Всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскимъ.

И поѣхали они ко Святымъ горамъ,
И наѣхали путемъ дорогою на великій гробъ.

На томъ гробу подпись надписана:

«Кому суждено въ гробу лежать,
«Тотъ въ него и ляжетъ».

Легъ Илья Муромецъ Ивановичъ:

Для него домовище ¹⁾ и великъ, и широко.

Ложился Святогоръ богатырь:

Гробъ пришелся по немъ какъ разъ.

Говорить богатырь таковы слова:

«Домовище про меня дѣлано, —

«Возьми-ка крышку, Илья,—закрой меня».

— Не возьму я крышки, ббльшій братъ,

— Не закрою тебя, Святогоръ богатырь, —

— Шутить ты шуточку не малую,

— Самъ себя хоронить собрался. —

Взялъ богатырь крышку и самъ закрылъ гробъ,

Да какъ хотѣлъ поднять ю ²⁾,

Крышка не подымается.

Бился онъ, силился по напрасному,

И проговорилъ онъ Ильѣ Муромцу:

«Ай, мѣньшій братъ! не могу поднять крышки,

«Попробуй-ка приподнять ю, Илья Муромецъ».

Попробовалъ Илья Муромецъ, да гдѣ ему!

Говорить тогда Святогоръ богатырь:

«Возьми-ка мой мечъ-кладенецъ,

«Ты ударь мечомъ поперекъ крышки!»

Ильѣ Муромцу не подъ силу и поднять меча-кладенца.

Зоветь его Святогоръ богатырь:

«Наклонись-ка ко гробу, ко маленькой челочкѣ,

«Я дохну на тебя богатырскимъ духомъ».

Какъ наклонился къ гробу Илья Муромецъ,

Дохнулъ на него Святогоръ богатырь,

Почувалъ Илья, что силы въ немъ прибавилось,

¹⁾ Домовище—гробъ.

²⁾ Ю—ее, старинная форма вивительнаго падежа.

Стало втрое противъ прежняго.
Поднялъ онъ мечъ-кладенецъ и ударилъ поперекъ крышки,
Отъ того удара великаго только искры посыпались,
А гдѣ ударилъ мечъ-кладенецъ,
На томъ мѣстѣ выросла полоса желѣзная.
Зоветь Илью Святогоръ богатырь:
«Душно мнѣ, меньшій братъ Илья Муромецъ.
«Попробуй еще ударить вдоль крышки».
Ударилъ Илья Муромецъ вдоль крышки,—
И тутъ выросла полоса желѣзная.
Опять проговорилъ Святогоръ богатырь:
«Задыхаюсь я, меньшій братецъ,
«Наклонись-ка ко гробу, ко щелочкѣ,
«Ядохну на тебя, передамъ тебѣ всю силушку великую».
Отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
—Будеть съ меня силы, большій братецъ,—
—Не то земля на себѣ меня носить не станетъ;
Промолвился тутъ Святогоръ богатырь:
«Хорошо ты сдѣлалъ, меньшій братъ,
«Что не послушалъ моего послѣдняго наказа:
«Ядохнулъ бы на тебя мертвымъ духомъ,
«И ты бы легъ мертвъ подлѣ меня.
«А теперь прощай, владай мечемъ-кладенцемъ,
«А добра коня моего богатырскаго
«Привяжи къ моему гробу богатырскому;
«Никто, кромѣ меня, съ нимъ не совладеетъ».
Тутъ пошелъ изъ щелочки мертвый духъ.
Простился Илья съ старшимъ братомъ,
Привязалъ добра коня ко гробу богатырскому,
Опясалъ Святогоръ мечъ-кладенецъ
И поѣхалъ въ раздольице чисто поле.

Б) Илья Муромецъ ѣдетъ въ Кіевъ прямоѣзжею дорогою.—Дѣло у Чернигова.—Камышнички, вору-разбойнички.—Соловей-Разбойникъ.

3
Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются:

Разстилается сынъ передъ батюшкою,
Онъ и просить себѣ благословеньца:

«Охъ ты гой еси, родимый, милый батюшка!

«Дай ты мнѣ свое благословеньце,—

«Я поѣду въ славный, стольный Кіевъ-градъ,

«Помолиться чудотворцамъ кіевскимъ,

«Заложиться за князя Володиміра,

«Послужить ему вѣрою-правдою,

«Постоять за вѣру христіанскую».

Отвѣчалъ старый крестьянинъ Иванъ Тимоѣевичъ:

—Я на добрыя дѣла тебѣ благословенье дамъ,

—А на худыя дѣла благословенья нѣтъ.

—Поѣдешь ты путемъ дорогою,

—Не помысли зломъ на татарина,

—Не убей въ чистомъ полѣ христіанина.—

Поклонился Илья Муромецъ отцу до-земли,

Осѣдлалъ, зануздалъ добра коня,

Говорилъ самъ таковы слова:

«Ай ты, добрый мой богатырскій конь,

«Послужки-ка мнѣ вѣрою-правдою!»

Обкольчужился Илья, облатился ¹⁾,

Бралъ съ собою мечъ-кладенецъ,

Бралъ съ собою тугой лукъ,

Бралъ еще глубокъ-колчанъ, калены стрѣлы,

Бралъ копье долгомѣрное,

Бралъ и палицу булатную,

Наряжался Илья Муромецъ Ивановичъ

Ко стольному ко граду Кіеву.

И кладетъ Илья заповѣдъ велику,

Что проѣхать до Кіева дорогой прямоѣзжею,

А рукъ дорогой не кровавити,

Не вымать изъ налушна ²⁾ тугой лукъ,

Изъ колчана не вымать калену стрѣлу.

Прощался Илья съ отцемъ съ матерью,

¹⁾ Надѣлъ кольчугу и латы.

²⁾ Изъ чехла, въ которомъ сохраняется лукъ.

И сядился Илья на своего добраго коня,
А и только его Илью видѣли.
А и выѣхаль Илья со двора своего
Въ тѣ ворота широкія;
Какъ стегнетъ онъ коня по тучнымъ бедрамъ,
А и конь подъ Ильей разсержается.
Онъ перву скокъ ступилъ за пять версть,
А другого ускока не могли найти.
Заѣзжалъ еще Илья за Оку рѣку
Ко тому Микулѣ Заручевскому,
Отслужилъ обѣдню запрестольную,
Становилъ свѣчу въ двадцать пять рублей,
Посулил впередъ въ пятьдесятъ рублей.
А съ третьимъ ускокомъ Илья Муромецъ
Ѣхаль мимо города Чернигова.
Подъ Черниговымъ вражьей силушки чернымъ черно,
Чернымъ черно, какъ черна ворона.
Припустилъ онъ коня богатырскаго
На эту силу басурманскую,
Сталь конемъ топтать и копьемъ колоть,
Потопталъ и покололъ силу въ скоромъ времени,
И подѣхаль онъ къ городу ко Чернигову.—
Приходятъ мужики ¹⁾ къ нему черниговцы,
Отворяютъ ему ворота въ Черниговъ градъ
И зовутъ его въ Черниговъ воеводою.
Говорить имъ Илья таковы слова:
«Ай же вы, мужики черниговцы!
«Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводою;
«А скажите-ка мнѣ дорожку прямоѣзжую,
«Прямоѣзжую дорогу въ стольно-Кіевъ-градъ».
Говорили ему мужики черниговцы:
— Ай же, удаленькій дородный добрый молодець,
— Славный богатырь святорусскій!
— Прямоѣзжею дорожкой въ Кіевъ пятьсотъ версть,

¹⁾ Мужики—мужи, горожане.

— Окольною дорожкой цѣла тысяча.
— Прямоѣзжая дороженька заколодила,
— Заколодила дорожка, замуравила,
— Залегла дорожка ровно тридцать лѣтъ.
— Сѣрый звѣрь тутъ не прорыскаетъ,
— Черный воронъ не пролетываетъ:
— Нѣтъ пути ни проѣзжему, ни прохожему, ни пролетному.
— И залегъ ту дорогу Соловей разбойникъ:
— Сидитъ онъ, Соловей, на девяти дубахъ,
— Захватываетъ, воръ-собака, на девяти верстахъ;
— Свищетъ Соловей онъ по соловьиному,
— Воскричитъ то онъ, злодѣй, по звѣриному, —
— Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
— Что есть людишекъ—все мертвы лежать. —

Стоитъ Илья, пораздумался:

«Прямоѣзжая дорога переломана,

«Калиновы мосточки переверочены.

«Не честь мнѣ хвала молодецкая

«Ѣхать той дорожкой окольной,

«А лучше поѣду дороженькой прямоѣзжею».

Поѣхалъ добрый молодець въ лѣса Брынскіе.

Какъ на встрѣчу добру молодцу камышнички,

По русскому назвать воры-разбойнички.

Хотятъ они молодца убить-погубить,

Тѣло бѣлое съ душой разлучить.

Возговоритъ добрый молодець, Илья Муромецъ:

«Охъ вы гой еси, добры молодцы-камышнички,

«По русски назвать воры-разбойнички!

«Убить то меня вамъ нѣ прочто,

«А взять то съ меня вамъ нечего;

«Одинъ смуръ кафтанъ во сто рублей,

«Кушачекъ, колпачекъ во тысячу;

«А стрѣль колчанъ во двѣ тысячи;

«А коню съ сѣдломъ и смѣты нѣтъ.

«Охъ вы гой еси, камышнички,

«По-русски воры-разбойнички!

«Дайте вы мнѣ, молодцу, исправиться,
«Будете молодцу и кланяться!»
Онъ снималъ съ себя тугой лукъ,
Накладывалъ калену стрѣлу
На тоѣ тетивочку шелковую:
«Ой вы гой еси, добры молодцы!
«Въ васъ стрѣлять или въ дубъ сырой?»
Онъ стрѣльнулъ въ сырѣ матерѣ дубъ,
Разшибилъ сырѣ матерый дубъ
По мелкимъ ножевымъ череньямъ.
Всѣ камышнички перепугалися
И упали на сыру землю ницѣ лицомъ.
Возговорилъ добрый молодець:
«Охъ вы гой еси, добры молодцы-камышнички!
«Полноте лежать на сырой землѣ!»
Встали добрые молодцы на рѣзвы ноги:
—Ты гой еси, удалый добрый молодець!
—Поди ты къ намъ въ товарищи,
—И будь ты у насъ атаманушкой!—
Возговорилъ добрый молодець
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
«Не хочу я съ вами разбойничать,
«Самъ не хочу, да и вамъ не вѣлю.
«А ѣду я въ стольный Кіевъ градъ,
«Къ Володиміру князю на вспоможеніе,
«На его, князя, сбереженіе.»
Спускалъ Илья коня богатырскаго,
Поѣхалъ по дороженькѣ прямоѣзжей,
Бралъ онъ въ руку плеточку шелковеньку,
Билъ онъ коня по тучнымъ бедрамъ,
Вынуждалъ коня скакать во всю силушку великую:
Пошелъ его добрый конь богатырскій
Съ горы на гору перескакивать,
Съ холмы на холму перемахивать,
Мелки рѣченьки, озерки межъ ногъ спускать.
Подъѣзжаетъ онъ къ рѣчкѣ ко Смородинкѣ,

Наѣзжалъ Илья на девяти дубахъ,
Наѣхалъ онъ на Соловья-разбойника.
И слышалъ Соловей-разбойникъ
Того ли топоту конинаго
И тоя ли онъ поѣздки богатырскія;
Засвисталъ Соловей по-соловьиному,
А въ другой зашипѣлъ, разбойникъ, по-змѣиному,
А втретью зрявкнетъ по-звѣриному.
Подъ Ильею конь окорачился
И падалъ вѣдь на кукорачъ ¹⁾.
Говоритъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
«А ты, волчья сыть ²⁾, травяной мѣшокъ;
«Не бывалъ ты въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
«Не бывалъ ты, конь, во темныхъ лѣсахъ,
«Не слыхалъ ты свисту соловьиного,
«Не слыхалъ ты шипу змѣинаго,
«А того ли ты крику звѣринаго,
«А звѣринаго крику туринаго» ³⁾.
Разрушаетъ Илья заповѣдь великую,
Вымаетъ калену стрѣлу
И стрѣляетъ въ Соловья-разбойника:
И попалъ Соловья да въ правый глазъ,
Полетѣлъ Соловей съ сыра дуба
Комомъ ко сырой землѣ.
Подхватилъ Илья Муромецъ Соловья на бѣлы руки,
Привязалъ Соловья къ той ко лукъ ко сѣдельни,
Проѣхалъ онъ воровску заставу крѣпкую,
Подѣзжаетъ ко подворью дворянскому.
И завидѣла-де его молода жена;
Она хитрая была и мудрая,
И взбѣгала она на чердаки на вышніе,—
Какъ бы дворъ у Соловья былъ на девяти верстахъ,

1) Окорачился, падалъ на кукорачъ—осѣлъ на задъ, подогнувъ ноги.

2) Волчій кормъ, чѣмъ волкъ сытъ.

3) Крикъ тура.

Какъ было около двора желѣзный тынь ¹⁾,
А на всякой тычинкѣ по маковкѣ,
И по той по головѣ богатырскія.
Наводила трубками нѣмецкими
Его Соловьева молодая жена
И увидѣла добраго молодца Илью Муромца,
И бросалась съ чердака въ свои высокіе терема,
И будила она девять сыновей своихъ:
«А встаньте, обудитесь, добры молодцы,
«А девять сыновѣ, ясны соколы!
«Вы подите въ подвалы глубокіе,
«Берите мои золотые ключи,
«Отмыкайте вы мои окованны ларцы,
«А берите вы мою золоту казну,
«Выносите ее за широкій дворъ,
«И встрѣчайте удала добра молодца;
«А наѣдетъ, молодцы, чужой мужикъ,
«Отца-то вашего въ торокахъ ²⁾ везеть.»
А и тутъ ея девять сыновѣ закорилися
И не берутъ у нея золотые ключи,
Не походятъ въ подвалы глубокіе,
Не берутъ ея золотой казны,
А худымъ вѣдь свои думушки думаютъ,
Хочутъ обернуться черными воронами,
Со тѣми носы желѣзными,
Они хочутъ расклевать добра молодца,
Того ли Илью Муромца Ивановича.
Подѣзжаетъ онъ ко двору ко дворянскому,
И бросилась молода жена Соловьева,
А и молится, убивается:
«Гой еси ты, удалый добрый молодецъ!
«Бери ты у насъ золотой казны сколько надобно,
«Отпусти Соловья-разбойника,
«Не вози Соловья во Кіевъ градъ.»

1) Заборъ изъ колевъ желѣзныхъ.

2) Торока—ремни у сѣдла.

А его-то дѣти Соловьевы
Неучтиво они поговариваютъ.
Они только Илью и видѣли,
Что стоялъ у двора дворянскаго.
И стегаетъ Илья онъ добра коня,
А добра коня по тучнымъ бедрамъ;
Какъ бы конь подъ нимъ осержается,
Побѣжалъ Илья, какъ соколъ летить,
Пріѣзжаетъ Илья онъ во Кіевъ градъ.
Среди двора княженецкаго
И скочилъ онъ Илья со добра коня,
Привязалъ коня къ дубову столбу.
Проходилъ онъ во гридню во свѣтлую ¹⁾,
И молился онъ Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею
И на всѣ на четыре стороны.
У великаго князя Владиміра,
У него князя почестный ²⁾ пиръ;
А и много на пиру было князей и бояръ,
Много сильныхъ, могучихъ богатырей;
И поднесли ему, Ильѣ, чару зелена вина въ полтора ведра.
Принимаетъ Илья единой рукой,
Выпиваетъ Илья чару единымъ духомъ.
Говорилъ ему ласковый Владиміръ князь:
«Ты скажись, молодець, какъ именемъ зовуть,
«А по имени тебѣ можно мѣсто дать,
«По изотчеству ³⁾ пожаловати.»
И отвѣчаетъ Илья Муромецъ Ивановичъ:
— А ты, ласковый, стольный Владиміръ князь!
— А меня зовутъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ;
— И проѣхалъ я дорогу прямоѣзжую
— Изъ стольнаго города изъ Мурома,
— Изъ того села Карачарова.

1) *Гридня*—комната, гдѣ пируютъ князья, бояре и богатыри.

2) *Почестный*—въ почетъ кому.

3) То-есть по отчеству.

Говорят тутъ могучіе богатыри:
«А ласково солнце, Владиміръ князь,
«Въ очахъ ¹⁾ дѣтина завирается:
«А гдѣ ему проѣхать дорогою прямоѣзжею?
«Залегла та дорога тридцать лѣтъ
«Отъ того Соловья-разбойника.»

Говоритъ Илья Муромецъ:

— Гой еси ты, сударь, Владиміръ князь,
— Посмотри мою удачу богатырекую,
— Вонъ я привезъ Соловья-разбойника на дворъ къ тебѣ.

И втапору Илья Муромецъ

Пошелъ съ великимъ княземъ на широкій дворъ
Смотрѣть его удачи богатырскія.

Выходили тутъ и князи, бояра,

Всѣ русскіе могучіе богатыри:

Самсонъ богатырь Колывановичъ,

Суханъ ²⁾ богатырь, сынъ Домантьевичъ,

И семь-то братьевъ Сбродовичи,

Еще мужики были Залѣшана,

А еще два брата Хапиловы,

Только было у князя ихъ тридцать молодцевъ.

Выходилъ Илья на широкій дворъ,

Ко тому Соловью-разбойнику,

Онъ сталъ Соловья уговаривать:

— Ты послушай меня, Соловей-разбойникъ младъ!

— Посвисти, Соловей, по-соловьиному,

— Пошипни, змѣй, по-змѣиному,

— Зрявкой, звѣрь, по-туриному,

— И потѣшь князя Владиміра.—

Засвисталъ Соловей по-соловьиному:

Оглушилъ онъ въ Кіевѣ князей и бояръ;

Зашипѣлъ злодѣй по-змѣиному;

Онъ втретѣ зрявкаетъ по-туриному:

А князи и бояра испужалися,

¹⁾ *Въ очахъ*—очевидно, на глазахъ у всѣхъ.

²⁾ Тоже одинъ изъ старшихъ богатырей, подобно Святогору и Самсону.

На корачкахъ ¹⁾ по двору напоззалися
И всѣ сильны богатыри могучіе.
И накуриль онъ бѣды несносныя:
Гостины кони со двора разбѣжались,
И Владиміръ князь едва живъ стоитъ,
Со душой княгиней Апраксѣвной.
Говорилъ тутъ ласковый Владиміръ князь:
«А и ты гой еси, Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
«Уйми ты Соловья-разбойника:
«А и эта шутка намъ не надобна.»
Сталь Илья унимать Соловья по-свойскому:
Онъ схватилъ его за черны кудри,
Еще билъ его да о сыру землю матушку,
Онъ въ подбросъ его кидаль
Выше башни наугольныя,
Онъ остатки его хлопнулъ о сѣрый камень;
Соловью отъ себя скоро смерть пришла.
Повели слуги Илью подъ руки
Во свѣтлую да во свѣтлицу,
Во княженецкія горницы,
И садили его да по край стола,
По край стола, да по край скамьи.
«Еще ты славный князь кіевскій!
«Ты неси-ка чашу большую да обѣручную,
«Зелена вина да полтора ведра!»
Илья-то беретъ чашу одною рукой,
Онъ и пьетъ ее на единый духъ.
Еще все-то ему мало кажется:
«Ты неси еще, князь, чашу бѣльшую,
«Чашу бѣльшую да обѣручную,
«Еще два ведра да зелена вина,
«Все съ водочкой, да со наливочкой,
«Со крѣпкими да со напитками.»
Илья примаεται да одной рукой,

1) То есть на четверенькахъ.

Онъ и пьетъ чашу на единый духъ.
Еще тутъ Илью маленько да ошабурило;
Онъ хотѣлъ да поладиться,
Онъ поладиться да поправиться, —
Поломалъ онъ скамьи да дубовыя,
Онъ погнулъ сваи да желѣзныя.
А у князя въ ту пору да въ то времячко
Еще столъ идетъ да въ полу-столѣ,
Еще пиръ идетъ да въ полу-пиру;
За столомъ сидятъ гости-бояра,
Еще все купцы да торговые,
Еще сильны могучи богатыри,
Свято-русскіе воины.
Поприжалъ Илья Муромецъ да сынъ Ивановичъ,
Поприжалъ онъ ихъ да въ большой уголь;
Еще сталъ гостей да поколачивать,
Еще сталъ гостей поворачивать.
Еще князь въ ту пору да въ то времячко
За печку задвинулся,
Собольей шубой закинулся.

В) Илья Муромецъ во главѣ кіевскихъ богатырей.—Жидовинъ богатырь.

Подъ славнымъ городомъ подъ Кіевомъ,
На тѣхъ на степяхъ на Ципарскіихъ,
Стояла застава богатырская. ¹⁾
На заставѣ атаманъ былъ Илья Муромецъ;
Подъ-атамане былъ Добрыня Никитичъ младъ;
Есаулъ Алеша Поповскій сынъ;
Еще былъ у нихъ Гришка Боярскій сынъ,
Былъ у нихъ Васька Долгополый.
Всѣ были братцы въ развѣздицѣ:
Гришка—Бояринъ въ тѣ поры кравчимъ жилъ, ²⁾

¹⁾ То-есть нѣчто въ родѣ крѣпости для огражденія отъ вражескихъ набѣговъ.

²⁾ Придворная должность.

Адепа Поповичъ ѣздилъ въ Кіевъ градъ,
Илья Муромецъ былъ въ чистомъ полѣ,
Спалъ на бѣломъ шатрѣ;
Добрыня Никитичъ ѣздилъ ко синю морю,
Ко синю морю ѣздилъ за охотою,
За тою ли за охотой за молодецкою:
На охотѣ стрѣлялъ гусей, лебедей.
Ѣдетъ Добрыня изъ чиста поля,
Въ чистомъ полѣ увидѣлъ ископотъ ¹⁾ великую,
Ископотъ велика—поль-печи.
Учалъ онъ ископотъ досматривать:
«Еще что же то за богатырь ѣхаль?»
«Изъ этой земли изъ Жидовскія
«Прѣхаль Жидовинъ могучъ богатырь ²⁾
«На эти стени Цицарскія!»
Прѣхаль Добрыня въ стольный Кіевъ-градъ,
Прибиралъ свою братію приборную:
«Ой вы гой еси, братцы-ребятушки!
«Мы что на заставушкѣ устояли?
«Что на заставушкѣ углядѣли?
«Мимо нашу заставу богатырь ѣхаль!»
Собирались они на заставу богатырекую,
Стали думу крѣпкую думати:
Кому ѣхать за нахвальщикомъ?
Положили на Ваську Долгополого.
Говорить большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
«Не ладно, ребятушки, полѣжили;
«У Васьки полы долгиа:
«По землѣ ходитъ Васька—заплетается,
«На бою, на дракѣ заплетется.—
«Погинѣтъ Васька по напрасному.»
Положились на Гришку, на Боярскаго сына:

¹⁾ *Ископотъ*,—комъ земли изъ-подъ копыта.

²⁾ *Жидовская земля*—земля *Козарская*, *Хозирская*, степь на востокъ отъ Днѣпра, откуда приходили евреи къ Владиміру предлагать свою вѣру.

Ѣхать Гришкѣ за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ.
Говорить большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
«Не ладно, ребятушки, удумали;
«Гришка рода боярскаго;
«Боярскіе роды хвастливые;
«На бою, на дракѣ призахвастается,—
«Погинѣтъ Гришка по напрасному.»
Положились на Алѣшу на Поповича:
Алешкѣ Ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ.
Говорить большой богатырь Илья Муромецъ,
Свѣтъ атаманъ сынъ Ивановичъ:
«Не ладно, ребятушки, полѣжили:
«Алешенька рода поповскаго;
«Поповскіе глаза завидушіе,
«Поповскія руки загребушія;
«Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ
«Много злата, серебра,—
«Злату Алеша позавидуетъ;
«Еще станеть онъ «захлышшевый» ¹⁾ вздорити,—
«У Алеша вѣжество не рожденное,—
«Погинетъ Алеша по напрасному.»
Положили на Добрыню Никитича:
Добрынюшкѣ Ѣхать за нахвальщикомъ,
Настигать нахвальщика въ чистомъ полѣ,
По плечъ отсѣчь буйну голову,
Привезти на заставу богатырскую.
Добрыня того не отпирается.
Походитъ Добрыня на конюшній дворъ,
Имѣетъ Добрыня добра коня,
Уздаетъ въ уздечку тесмянную,
Сѣдлалъ въ сѣдельшко черкасское,

1) *Захлышшевый*—забунный, нахальный, смѣлый очерта голову.

Въ торока вяжетъ палицу боевую, —
Она свѣсомъ та палица девяносто пудъ, —
На бедра беретъ саблю вострую,
Въ руки беретъ плеть шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую ¹⁾.
Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной:
Увидѣлъ на полѣ чернизину ²⁾;
Поѣхалъ прямо на чернизину;
Кричалъ зычнымъ, звонкимъ голосомъ:
«Воръ, собака, нахвальщина!
«Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь, —
«Атаманю Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
«Подъ-атаману Добрынь Никитичу?
«Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
«На всю нашу братію наборную?»
Учулъ нахвальщина зычень голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попуцалъ на Добрыню Никитича;
Сыра мать-земля всколебалася,
Изъ озеръ вода выливалася,
Подъ Добрыней конь на колѣнца палъ.
Добрыня Никитичъ младъ
Господу Богу возмѣлится
И Мати Пресвятой Богородицѣ:
«Унеси, Господи, отъ нахвальщика!»
Подъ Добрыней конь посправился, —
Уѣхалъ на заставу богатырскую.
Ильѣ Муромецъ встрѣчаетъ его
Со братією со приборною.
Сказываетъ Добрыня Никитичъ младъ:
«Какъ выѣхалъ на гору на Сорочинскую,
«Посмотрѣлъ изъ трубочки серебряной,

1) Сорочинская гора, по народнымъ представленіямъ, находилась гдѣ-то близъ моря Хвалынскаго (Каспійскаго). Цыцарскія степи—вѣроятно, при-каспійскія.

2) Чернизина—черное пятно.

«Увидѣлъ на полѣ чернизину,
«Поѣхаль прямо на чернизину,
«Кричалъ громкимъ, зычнымъ голосомъ:
— Воръ, собака, нахвальщина!
— Зачѣмъ ты нашу заставу проѣзжаешь,—
— Атаману Ильѣ Муромцу не бьешь челомъ?
— Подъ-атаманю Добрынѣ Никитичу?
— Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
— На всю нашу братію на приборную?»
«Услышалъ воръ нахвальщина зыченъ голосъ,
«Поворачиваль нахвальщина добра коня,
«Попущаль на меня добра молодца:
«Сыра мать-земля веколебалася,
«Изъ озеръ вода выливалася,
«Подо мною конь на колѣнца палъ.
«Тутъ я Господу Богу возмолился:
«Унеси меня, Господи, отъ нахвальщика!»
«Подо мною тутъ конь посправился,
«Уѣхаль я отъ нахвальщика
«И пріѣхаль сюда, на заставу богатырскую».
Говорить Илья Муромецъ:
«Больше не кѣмъ замѣнитися,—
«Видно, ѣхать атаману самому!»
Походить Илья на конюшій дворъ,
Имаеть Илья добра коня,
Уздаеть въ уздечку тесмянную,
Сѣдлаеть въ сѣдлышко черкасское,
Въ торока вяжетъ палицу боевую,—
Она свѣсомъ та палица девяносто пудъ,
На бедра беретъ саблю вострую,
Во руки беретъ плеть шелковую,
Поѣзжаетъ на гору Сорочинскую:
Посмотрѣлъ изъ кулака молодецкаго,
Увидѣлъ на полѣ чернизину;
Поѣхаль прямо на чернизину;
Вскричалъ зычнымъ громкимъ голосомъ:

«Воръ, собака, нахвальщина!
«Зачѣмъ нашу заставу проѣзжаешь,—
«Мнѣ, атаману Ильѣ Муромцу, челомъ не бьешь?
«Подъ-атаманью Добрынѣ Никитичу?
«Есаулу Алешѣ въ казну не кладешь
«На всю нашу братью наборную?»
Услышалъ воръ нахвальщина зыченъ голосъ,
Поворачивалъ нахвальщина добра коня,
Попуцалъ на Илью Муромца.
Илья Муромецъ не удробился ¹⁾.
Сѣхался Илья съ нахвальщикомъ:
Впервые палками ударились,—
Палицы у нихъ изломались,
Другъ другу не ранили;
Саблями вострыми ударились,—
Востры сабли приломались,
Другъ другу не ранили;
Бились, дрались рукопашнымъ боемъ,
Бились, дрались день до вечера,
Съ вечера бьются до полуночи,
Съ полуночи бьются до бѣла свѣта:
Махнеть Илейко ручкой правою,—
Поскользить у Илейка ножка лѣвая,
Паль Илья на сыру землю;
Сѣлъ нахвальщина на бѣлы груди,
Вынималъ кинжалище булатное;
Хочетъ вспороть груди бѣлыя,
Хочетъ закрыть очи ясныя,
По плечъ отсѣчь буйну голову.
Еще сталъ нахвальщина наговаривать:
— Старый ты старикъ, старый, матерой!
— Зачѣмъ ты ѣздишь во чисто поле?
— Будто нѣ кѣмъ тебѣ старику замѣнитися?
— Ты поставилъ бы себѣ келейку
— При той путѣ—при дороженькѣ;

¹⁾ Не удробился—не испугался.

— Сбираль бы ты, старикъ, во келейку;
— Тутъ бы, старикъ, сытъ-питаненъ былъ. —
Лежить Илья подь богатыремъ,
Говорить Илья таково слово:
«Да не ладно у святыхъ отцевъ написано,
«Не ладно у апостоловъ удумано;
«Написано было у святыхъ отцевъ,
«Удумано было у апостоловъ:
«Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому;» ¹⁾
«А теперъ Илья подь богатыремъ!»
Лежучи на землѣ у Ильи втрое силы прибыло:
Махнетъ нахвальщину въ бѣлы груди,
Вышибаль выше дерева жароваго ²⁾,
Паль нахвальщина на сыру землю,
Въ сыру землю ушелъ до поясъ.
Вскочилъ Илья на рѣзвы ноги,
Сѣлъ нахвальщинѣ на бѣлы груди.
Не досугъ Илюхѣ много спрашивать,
Скоро вепоролъ груди бѣлыя,
Скоро затмилъ очи ясныя,
По плечь отсѣкъ буйну голову,
Воткнулъ на копьѣ на булатное,
Повезъ на заставу богатырскую.
Добрыня Никитичъ встрѣчаетъ Илью Муромца,
Со своей братьей приборною.
Илья бросилъ голову о сыру землю;
При своей братьѣ похваляется:
«Вздилъ во полѣ тридцать лѣтъ, —
«Экаго чуда не наѣзживаль!»

Г) Илья Муромецъ побѣждаетъ Идолище поганое.

Пріѣзжалъ Идолище ³⁾ поганое въ стольно-Кіевъ градъ,
Съ грозой со страхомъ со великіимъ,

1) Илья Муромецъ напоминаетъ слова галикъ переходжихъ.

2) Рослое дерево, которое выросло на приекѣ, на жарѣ.

3) Въ образѣ Идолища, надо полагать, представляется язычество.

Къ тому ко князю, ко Владиміру,
И становился онъ на княженецкій дворъ,
Посылалъ посла ко князю, ко Владиміру,
Чтобъ князь Владиміръ стольно-кіевскій
Ладилъ бы онъ ему поединщика,
Супротивъ его силушки сопротивника.
Приходилъ посланникъ ко Владиміру
И говорилъ посланникъ таковы слова:
«Ты, Владиміръ, князь стольно-кіевскій!
«Ладь-ка ты поединщика во чисто поле,
«Поединщика и супротивника съ силушкой великою,
«Чтобы могъ онъ съ Идолицемъ посправиться.»
Тутъ Владиміръ князь ужаснулся,
Пріужаснулся да и закручинился.
Говоритъ Илья таковы слова:
«Не кручинься, Владиміръ, не печалуйся:
«На бою мнѣ-ка смерть не написана,—
«Поѣду я въ раздольице чисто поле
«И убью-то я Идолица погананаго.»
Обуль Илья лапотки шелковые,
Подсумокъ надѣлъ онъ черна бархата,
На головушку одѣлъ шляпку земли греческой,
И пошелъ онъ ко Идолицу къ поганому.
И сдѣлалъ онъ ошибочку не малую:
Не взялъ съ собой палицы булатныя,
И не взялъ онъ съ собой сабли вострыя;
Идетъ-то дороженькой—пораздумался:
«Хощь иду-то я къ Идолицу поганому,

Былина представляетъ какъ подвигъ Ильи Муромца, истребленіе языческихъ идоловъ вскорѣ послѣ принятія христіанства; объ этомъ въ лѣтописи Нестора разсказывается такъ: „Самъ Владиміръ пришелъ въ Кіевъ (изъ Корсуни). Когда пришелъ, повелѣлъ низвергнуть идоловъ, иныхъ изрубить, другихъ сжечь, а Перуна велѣлъ привязать къ лошадиному хвосту и тащить съ горы.“

Въ былинѣ Илья схватилъ „шляпку земли греческой“ и ею побилъ Идолице, подобно тому, какъ греческой христіанской вѣрой было уничтожено въ Кіевѣ язычество.

«Ежели будетъ не пора мнѣ-ка не времячко,
«Какъ съ симъ мнѣ Идолицемъ поправиться?»

На тую пору, на то времячко

Идетъ ему навстрѣчу Каличище Иванище,

Несетъ въ рукахъ клюку девяносто пудъ.

Говориль ему Илья таковы слова:

«Ай же ты, Каличище Иванище!

«Уступи-тко мнѣ клюки на времячко,—

«Сходить мнѣ къ Идолицу къ поганому?»

Не даетъ ему Каличище Иванище,

Не даетъ ему клюки своей богатырской

Говориль ему Илья таковы слова:

«Ай же ты, Каличище Иванище!

«Сдѣлаемъ мы бой рукопашечный:

«Мнѣ на бою вѣдь смерть не написана,

«Я тебя убью, мнѣ клюка и достанется».

Разсердился Каличище Иванище,

Сдвинулъ онъ клюку выше головы,

Спустилъ онъ клюку во сыру землю,

Пошелъ Каличище завѣрыдаль.

Илья Муромецъ едва досталъ клюку изъ сырой земли.

И пришелъ онъ во палату бѣлокаменну

Ко этому Идолицу поганому,

Пришелъ къ нему и проздравствовалъ.

Говорить ему Идолице поганое:

— Ай же ты, калика перехожая!

— Какъ великъ у васъ богатырь, Илья Муромецъ?—

Говориль ему Илья таковы слова:

«Толь великъ Илья, какъ и я.»

Говорить ему Идолице поганое:

— По многу ли Илья вашъ хлѣба ѣсть,

— По многу ли Илья вашъ пива пьеть?

Говорить Илья таковы слова:

«По стольку ѣсть Илья, какъ и я,

«По стольку пьеть Илья, какъ и я.»

Говорить ему Идолице поганое:

— Экой вашъ богатырь Илья:
— Я вотъ по семи ведеръ пью,
— По семи пудъ хлѣба кушаю.
Говориль ему Илья таковы слова:
«У нашего Ильи Муромца батюшка былъ крестьянинъ,
«У его была корова ѣдучая:
«Она много ѣла-пила и лопнула».
Это Идолищу не слюбилось:
Схватиль онъ кинжалище булатное
И махнулъ онъ въ калику переходную
Со всея со силушки великия.
И пристранился Илья Муромецъ въ сторонущку мале-
пенько,
Пролетѣль его мимо-то булатный ножъ,
Пролетѣль онъ на вонную сторону съ простѣночкомъ.
У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,
Схватиль онъ съ головушки шляпку земли греческой
И ляпнулъ онъ въ Идолище поганое,
И разсѣкъ онъ Идолище на полы. ¹⁾
Тутъ ему Идолищу славу поють.

Д) Илья Муромецъ освобождаетъ Кіевъ отъ Калина царя.

Да изъ Орды ²⁾, Золотой земли,
Когда подымался злой Калинъ царь,
Злой Калинъ, царь Калиновичъ, ³⁾
Ко стольному городу ко Кіеву,
Съ своею силою съ поганою,
Не дошелъ онъ до Кіева за семь верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра,

¹⁾ Пополамъ.

²⁾ Всѣ чужія страны на востокъ отъ Кіева въ былинахъ называются *ордами*.

³⁾ *Калинъ царь* и его силы—кочевники, вторгавшіеся въ предѣлы русской земли. Впослѣдствіи, подъ впечатлѣніемъ татарскаго погрома, они въ народѣ тоже стали слыхать подъ общимъ названіемъ *татаръ*.

Собиралося съ нимъ силы на сто веретъ
Во всѣ тѣ четыре стороны.
Зачѣмъ мать сыра земля не погнется?
Зачѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ конинаго
А и мѣсяцъ, и солнце померкнуло,
Не видать луча свѣта бѣлаго,
А отъ духу татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.
Садился Калинъ на ременчатъ стулъ,
Писаль ярлыки ¹⁾ скорописчаты
Ко стольному городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру;
Что выбралъ татарина выше всѣхъ:
А мѣрою тотъ татаринъ трехъ сажень;
Голова на татаринѣ съ пивной котель,
Который котель сорока ведеръ;
Промежъ плечами косая сажень.
Отъ мудрости слово написано:
Что «возьметъ Калинъ царь стольный Кіевъ градъ,
А Владиміра князя въ полонъ полонить, ²⁾
Божьи церкви на дымъ пустить».)
Дасть тому татарину ярлыки скорописчаты,
И послалъ его въ Кіевъ нѣ-скоро.
Садился татаринъ на добра коня,
Поѣхаль ко городу ко Кіеву,
Ко ласковому князю Владиміру;
А и будетъ онъ татаринъ въ Кіевѣ
Среди двора княженецкаго,
Скакаль татаринъ съ добра коня,
Не вяжетъ коня, не привязываетъ,
Бѣжитъ онъ во грядню во свѣтлую,

¹⁾ *Ярлык*—грамота, указъ, предписаніе, письменное распоряженіе о чемъ нибудь.

²⁾ Возьметъ въ плѣнъ.

³⁾ Сожжетъ.

А Спасову образу не молится,
Владимиру князю не кланяется
И въ Кіевѣ людей ничѣмъ зоветъ ¹⁾;
Бросаль ярлыки на круглый столъ
Передъ великаго князя Владимира.
Отшедъ татаринъ слово выговорилъ:
«Владиміръ князь стольно-кіевскій!
«А наскорѣ сдай ты намъ Кіевъ градъ,
«Безъ бою, безъ драки великія,
«И безъ того кровопролитія напраснаго».
Владиміръ князь запечалился,
А наскорѣ ярлыки распечатываль и просматриваль,
Гляючи на ярлыки, заплакаль свѣтъ.
По грѣхамъ надъ княземъ учинилося,
Богатырей въ Кіевѣ не случилось,
А Калинъ царь подъ стѣною стоитъ;
А съ Калиномъ силы напасено
Ни много, ни мало—на сто верстъ
Во всѣ четыре стороны.
Еще со Калиномъ сорокъ царей со царевичемъ,
Сорокъ королей съ королевичемъ,
Подъ всякимъ царемъ силы по три тѣмы, по три тысячи,
По праву руку его зять сидить,
А зятя зовуть у него Сартакомъ;
А по лѣву руку сынъ сидить,
Сына зовуть Лоншекомъ.
И то дѣло у нихъ не окончено,
Татаринъ изъ Кіева не выѣхаль.
Втапоры Василій пьяница ²⁾
Взбѣжалъ на башню на стрѣльную,
Береть онъ свой тугой лукъ разрывчатый,
Калену стрѣлу перяную,
Наводилъ онъ трубками нѣмецкими,
А гдѣ-то сидить злодѣй Калинъ царь,—

¹⁾ Т.-е. не считаетъ и людьми, не ставитъ ни во что.

²⁾ *Василій Игнатьевичъ Домопольскій*,—богатырь-пьяница.

И тотъ-то Василій пьяница
Стрѣляетъ онъ тутъ въ Калина царя;
Не попалъ въ собаку Калина царя,
Что попалъ онъ въ зятя его Сартака,—
Угодила стрѣла ему въ правый глазъ,
Ушибъ его до смерти.
И тутъ Калину царю за бѣду стало,
Что первую бѣду не утушили,
А другую бѣду они загрезили ¹⁾,
Убили зятя любимаго
Съ той башни со стрѣльниа.
И тутъ Калину царю за бѣду стало:
Посылалъ другого татарина
Ко тому князю Владиміру,
Чтобы выдалъ того виноватаго.
А мало время замѣшкавши,
Съ тоя стороны полуденныя,
Что ясный соколъ въ перелетъ летить,
Какъ бѣлый кречеть перепархиваетъ,
Бѣжить Илья Муромецъ Ивановичъ.
Пріѣхалъ онъ во стольный Кіевъ градъ,
Среди двора княженецкаго
Соскочилъ Илья со добра коня,
Не вяжетъ коня, не привязываетъ,
Идетъ во GRIDНЮ во свѣтлую;
Онъ молится Спасу со Пречистою,
Бьетъ челомъ князю со княгинею
И на всѣ четыре стороны,
И самъ Илья усмѣхается:
«Гой еси, сударь, Владиміръ князь!
«Что у тебя за болванъ пришелъ?
«Что за дуракъ неотесанный?»
Владиміръ князь стольный кіевскій
Подаетъ ярлыки скоронисчаты;

1) Загрезили—забрели, затѣли безъ толку.

Принялъ Илья, самъ прочитываль,—

Говорить тутъ ему Владимиръ князь:

— Гой еси, Илья Муромецъ!

— Пособи мнѣ думушку думати,

— Сдать ли мнѣ, не сдать ли Кіевъ градъ,

— Безъ бою мнѣ, безъ драки великія,

— Безъ того кровопролитія напраснаго?—

Говорить Илья таково слово:

«Владимиръ князь стольный кіевскій!

«Ни о чемъ ты, осударь, не печалуйся:

«Боже-Спась оборонить насъ:

«Насыпай ты мису чиста серебра,

«Другую красна золота,

«Третью мису скатнаго жемчуга;

«Поѣдемъ со мной ко Калину царю,

«Со своими честными подарками,—

«Тотъ татаринъ дуракъ насъ прямо доведеть».

Наряжался князь тутъ поваромъ,

Замарался сажею котельною;

Поѣхали они ко Калину царю,

А прямо ихъ татаринъ въ лагери ведеть.

Пріѣхаль Илья ко Калину царю,

Въ его лагери татарскіе.

Сскочилъ Илья со добра коня,

Калину царю поклоняется,

Самъ говоритъ таково слово:

«А и Калинь царь, злодѣй Калиновичъ!

«Прими наши дороги подарочки

«Отъ великаго князя Владимира:

«Перву мису чиста серебра,

«Другую красна золота,

«Третью мису скатнаго жемчугу;

«А дай ты намъ сроку на три дня,

«Въ Кіевѣ намъ приуправиться,

«Отслужить обѣдни съ панихидами,

«Какъ де служить по усопшимъ душамъ,

«Другъ съ дружкой проститися».
Говорить тутъ Калинъ таково слово:
— Гой еси ты, Илья Муромецъ!
— Выдайте вы намъ виноватаго,
— Который стрѣляль съ башни со стрѣльня,
— Убилъ моего зятя любимаго».

Говорить ему Илья таково слово:
«А ты слушай, Калинъ царь, повелѣнное:
«Прими наши дороги подарочки
«Отъ великаго князя Владиміра,—
«Гдѣ намъ искать такого человѣка и вамъ отдать?»»

И тутъ Калинъ принялъ золоту казну
Не честно у него, самъ прибраниваетъ.
И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
Что не даль сроку на три дня и на три часа,
Говорилъ Илья таково слово:

«Собака, проклятый ты Калинъ царь!
«Отойди съ татарами отъ Кіева;
«Охота ли вамъ, собака, живымъ быть?»»

И тутъ Калину царю за бѣду стало,
Велѣлъ татарамъ схватить Илью;
Связали ему руки бѣлыя
Во крѣпки чембуры ¹⁾ шелковые.
Втапоры Ильѣ за бѣду стало,
Говорилъ Илья таково слово:

«Собака, проклятый ты Калинъ царь!
«Отойди прочь съ татарами отъ Кіева:
«Охота ли вамъ, собака, живымъ быть?»»

И тутъ Калину за бѣду стало,
И плюетъ онъ Ильѣ во ясны очи:
— А русскій людъ всегда хвастливъ,—
— Опутайъ весь будто лысый бѣсъ,
— Еще ли стоять передо мною, самъ хвастаетъ.—
И тутъ Ильѣ за бѣду стало,

1) *Чембуръ*—поводъ уздечки, за который водять и вяжутъ коня.

2.
97086

За великую досаду показалось,
Что плюесть Калинъ въ ясны очи;
Вскочилъ въ полъ-древа стоячаго,
Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ,—
Не допустятъ Илью до добра коня
И до его то до палицы тяжкія,
До мѣдны литы въ три тысячи,—
Схватилъ Илья татарина за ноги,
Который ѣздилъ во Кіевъ градъ,
И зачалъ татаринѡмъ помахивати:
Куда ли махнетъ—тутъ и улицы лежатъ,
Куда отвернетъ—съ переулками,
А самъ татарину приговариваетъ:
«А и крѣпокъ татаринъ, не ломится,
«А жilоватъ, собака, не изорвется».
И только Илья слово выговорилъ,
Оторвется глава его татарская,
Угодила та голова по силѣ вдоль
И бьетъ ихъ, ломитъ, въ конецъ губитъ;
Достальные татара на побѣгъ пошли,
Въ болотахъ, въ рѣкахъ притонули всѣ,
Оставили свои возы и лагери.
Воротился Илья ко Калину царю,
Схватилъ онъ Калина за бѣлы руки,
Самъ Калину приговариваетъ:
«Васъ то, царей, не бьютъ, не казнятъ».
Согнетъ его корчагою,
Вздымалъ выше буйны головы своей,
Ударилъ его о горючъ камень,
Расшибъ его въ крошечки.
Достальные татара на побѣгъ бѣгутъ,
Сами они заклинаются:
«Не дай Богъ намъ бывать во Кіевѣ,
«Не дай Богъ намъ видать русскихъ людей!
«Неужто въ Кіевѣ всѣ таковы,
«Одинъ человѣкъ всѣхъ татаръ прибилъ?»

Пошелъ Илья Муромецъ
Искать своего товарища,
Того ли Василья пьяницу Игнатьева,
И скоро нашель его на кружалъ¹⁾ Петровскимъ,
Привель ко князю Владиміру.
А пьетъ Илья довольно зелена вина,
Съ тѣмъ Васильемъ со пьяницей,
И называетъ Илья того пьяницу
Василья братомъ названнымъ.

То старина, то и дѣянье.

2. Добрыня Никитичъ.

А) Первая встрѣча Добрыни со Змѣемъ.

Доселѣва Рязань она селомъ слыла,
А нынѣ Рязань слыветъ городомъ.
А жилъ во Рязани тутъ богатый гость,
А гостя-то звали Никитою;
Живучи-то Никита состарѣлся, преставился.
Послѣ вѣку его долгаго
Оставались житье-бытье, богачество,
Осталась его матера жена
Амелѣа Тимоеевна,
Осталось чадо милое,
Какъ молодой Добрынюшка Никитичъ младъ.
А и будетъ Добрыня семи годовъ,
Присадила его матушка грамотѣ учиться:
А грамота Добрынѣ въ наукъ пошла;
Присадила его матушка перомъ писать.
А будетъ Добрынюшка въ двѣнадцать лѣтъ.
Изволилъ Добрыня погулять молодецъ

¹⁾ *Кружалъ*—питейное заведеніе, кабакъ, гдѣ люды отъ вина „кружить“.

Со своею дружиною хороброю
Во тѣ жары петровскіе;
Просился Добрыня у матушки:
«Пусти меня, матушка, купатися,
«Купатися на Пучай рѣку». ¹⁾
Она вдова многоразумная,
Добрынѣ матушка наказывала,
Тихонько ему благословеніе даетъ:
— Гой еси ты, чадо милое,
— А молодой Добрыня Никитичъ младъ!
— Пойдешь ты, Добрыня, на Пучай рѣку,
— На Пучай рѣкѣ станешь купатися,—
— Пучай рѣка быстрая,
— А быстрая она, сердитая:
— Не плавай, Добрыня, за первую струю,
— Не плавай ты, Никитичъ, за другу струю.—
Добрыня-то матушки не слушался.
Надѣлъ на себя шляпу земли греческой,
Надъ собою онъ, Добрыня, невзгоды не вѣдаетъ,
Пришелъ онъ, Добрыня, на Пучай рѣку,
Говорилъ онъ дружинишкѣ хороброю:
«А и гой еси вы, молодцы удалые!
«Не мнѣ воду грѣть, не тѣшити ее». ²⁾
А все молодцы разболочались; ³⁾
И тутъ Добрыня Никитичъ младъ,—
Никто молодцы не смѣетъ, никто нейдетъ,—
А молодой Добрынюшка въ Пучай рѣку пошелъ.
А поплылъ Добрынюшка за первую струю,
Захотѣлось молодцу и за другую струю;
А двѣ то струи самъ переплылъ,
А третья струя подхватила молодца,
Унесла во пещеры бѣлокаменны;

¹⁾ Пучай-рѣка — Почайна, притокъ Днѣпра, нынѣ не существующій, въ которомъ происходило крещеніе кіевлянъ въ 988 году.

²⁾ Т.-е. не мнѣ первому идти въ воду.

³⁾ Т.-е. раздѣвались.

Ни отколь тутъ взялся лютый звѣрь,
Налетѣлъ на Добрынюшку Никитича,
А самъ то говоритъ Горынчице,
А самъ онъ, змѣй, приговариваетъ:
— А стары люди пророчили,
— Что быть змѣю убитому
— Отъ молода Добрынюшки Никитича:
— А нынѣ Добрыня у меня самъ въ рукахъ!
Молился Добрыня Никитичъ младъ:
«А и гой еси, змѣице, Горынчице!
«Не честь, хвала молодецкая,
«На нагое тѣло напускаешься!»
И тутъ змѣй Горынчице
Мимо его пролетѣлъ,
А стали его ноги рѣзвья,
Молода Добрынюшки Никитича,
А грабится онъ ко желту песку,
А выбѣжалъ добрый молодець,
А молодой Добрынюшка Никитичъ младъ,
Нагребъ онъ шляпу песку желтаго;
Налетѣлъ на его змѣй Горынчице,
Хочетъ Добрыню огнемъ спалить,
Огнемъ спалить, хоботомъ ушибить;
На то-то Добрынюшка не робокъ былъ,
Бросаетъ шляпу земли греческой
Съ тѣми пески желтыми
Ко лютому змѣю Горынчицу:
Глаза запорошилъ и два хобота ушибъ.
Упалъ змѣй Горынчице
Во ту во матушку во Пучай рѣку;
Когда ли змѣй исправляется,
Во то время и во тотъ же часъ
Схваталъ Добрыня дубину, убилъ змѣя до полусмерти,
А вытащилъ змѣя на берегъ,
Его повѣсилъ на осину на согнутую:
«Сушися ты, змѣй Горынчице,

«На той-то осинѣ на согнутой!»
А поплыль Добрынюшка
По славной матушкѣ по Пучай рѣкѣ,
А заплыль въ пещеры бѣлокаменны,
Гдѣ жилъ змѣй Горынчище,
Засталъ въ гнѣздѣ его малыхъ дѣтушекъ,
А всѣхъ прибилъ, пополамъ перервалъ;
Нашель въ пещерахъ бѣлокаменныхъ,
У лютаго змѣища Горынчища,
Нашель онъ много злата-серебра,
Нашель въ палатахъ у змѣища
Свою онъ любимую тетушку,
Тою-то Марью Дивовну, —
Выводить изъ пещеры бѣлокаменны.
И собралъ злата-серебра,
Пошелъ къ матушкѣ родимой.
А матушки дома не годилося ¹⁾,
Сидитъ у князя Владиміра;
Пришелъ-де онъ во хоромы свои
И спряталъ онъ свою тетушку,
И пошелъ ко князю явится.
Владиміръ князь запечалился,
Сидитъ онъ, ничего свѣтъ не видитъ.
Пришелъ Добрынюшка
Къ великому князю Владиміру,
Онъ Спасову образу молится,
Владиміру князю поклоняется, —
У Добрыни вѣжество рожденное и ученое ²⁾.
Скочилъ Владиміръ на рѣзвы ноги;
Хвата Добрынюшку Никитича,
Цѣловаль его въ уста сахарныя;
Бросилася его матушка родимая,
Схватала Добрыню за бѣлы руки,

¹⁾ Не случилось, не было.

²⁾ Т.-е. онъ родился вѣжливый, учтивый, обходительный да еще и учился вѣжливости, обходительности.

Цѣловала его въ уста сахарныя, —
И тутъ съ Добрынею разговоръ пошелъ,
А стали у Добрыни выпрашивати:
А гдѣ побываль, гдѣ ночеваль?
Говорить Добрыня таково слово:
«Ты гой еси, мой сударь дядюшка,
«Князь Владиміръ, солнце кіевско!
«А былъ я въ пещерахъ бѣлокаменныхъ
«У лютаго змѣища Горынчища,
«А всю породу змѣиную его я убилъ
«И дѣтей всѣхъ погубилъ,
«Родимую тетушку выручилъ».
А скоро послы побѣжали по ее,
Ведутъ родимую его тетушку,
Привели ко князю во свѣтлу гридню.
Владиміръ князь свѣтѣлъ радошень,
Пошла-то у нихъ пиръ-радость великая,
А для ради Добрынюшки Никитича,
Для той сестрицы родимыя—Марьи Дивовны.

Б) Вторая встрѣча со Змѣемъ.

Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго сударь князя Владиміра
Три года Добрынюшка стольничаль,
А три года Никитичъ приворотничаль,
Онъ стольничаль, чашничаль девять лѣтъ,
На десятый погулять захотѣлъ
По стольному городу по Кіеву.
Взявши Добрынюшка тугой лукъ,
А и колчанъ себѣ каленыхъ стрѣлъ,
Идетъ онъ по широкимъ улицамъ,
По частымъ, по мелкимъ переулочкамъ,
По горницамъ стрѣляетъ воробушковъ,
По повалушамъ ¹⁾ стрѣляетъ онъ сизыхъ голубей.

¹⁾ *Повалуша*—верхній низкій покой, комната для спанья.

Зайдетъ въ улицу Игнатьевску,
А въ тотъ переулочъ Марининъ,
Взглянетъ ко Маринѣ на широкій дворъ,
На ея высокіе терема,
А у молодой Марины Игнатьевны,
У ея на хорошемъ высокомъ терему,
Сидять тутъ два сизые голубя
Надъ тѣмъ окошкомъ косящатымъ;
Цѣлуются они, милуются,
Желты носами обнимаются:
Тутъ Добрынѣ за бѣду стало,
Будто надъ нимъ насмѣхаются!
Стрѣляетъ въ сизыхъ голубей;
А спѣла, вѣдь, тетивка у туга лука ¹⁾,
Взвыла да пошла калена стрѣла.
По грѣхамъ надъ Добрынею учинилося:
Лѣвая нога у него поскользнулась,
Правая рука удрогнула,
Не попалъ онъ въ сизыхъ голубей,
Что попалъ онъ въ окошечко косящатое,
Проломилъ онъ оконницу стекольчатую,
Отшибъ всѣ причалины ²⁾ серебряныя,
Расшибъ онъ зеркало стекольчатое;
Бѣлодубовы столы пошаталися,
Что питья медвяныя восплеснулись.
А втапоры Маринѣ безвременье было,
Умывалася Марина, снаряжалася
И бросилася на свой широкій дворъ:
— А кто это невѣжа въ окошко стрѣляетъ,
— Проломилъ оконницу мою стекольчатую,
— Отшибъ всѣ причалины серебряныя,
— Расшибъ зеркало стекольчатое?
И въ тѣ поры Маринѣ за бѣду стало,

1) *Стѣла тетива*—спущена стрѣла съ лука.

2) *Причалина*—навѣска у окна, петля, а также крючья и задвижки.

Брала она слѣды горячіе молодецкіе ¹⁾,
Набирала Марина беремя дровъ,
А беремя дровъ бѣлодубовыхъ,
Клала дрова въ печку муравленую
Съ тѣми слѣды горячими,
Разжигаетъ дрова палящатымъ огнемъ,
И сама она дровамъ приговариваетъ: ²⁾
— Сколь жарко дрова разгораются
— Съ тѣми слѣды молодецкими;
— Разгоралось бы сердце молодецкое,
— Какъ у молода Добрынюшки Никитѣевича!
А и Божье крѣпко, вражье-то лѣпко:
Взяло Добрыню пуще остраго ножа
По его по сердцу богатырскому;
Онъ съ вечера, Добрыня, хлѣба не ѣсть,
Со полуночи Никитичу не уснется.
Онъ бѣлаго свѣту дожидается.
По его-то счастки ³⁾ великія,
Рано зазвонили къ заутренямъ:
Встаетъ Добрыня ранешенько,
Подпоясалъ себѣ сабельку острую,
Пошелъ Добрыня къ заутрени;
Прошелъ онъ церковь соборную,
Зайдетъ ко Маринѣ на широкой дворъ,
У высокаго терема послушаетъ,
А у молодой Марины вечеринка была:
А и собраны были душечки красны дѣвицы,
Сидятъ и молоденьки молодушки,
Всѣ были дочери отецкія,
Всѣ тутъ были жены молодецкія.
Вошелъ онъ Добрыня во высокъ теремъ:
Которыя дѣвицы приговариваютъ,

1) Т.-е. земли или песку со слѣдовъ.

2) Заговоръ на слѣды — одинъ изъ обычныхъ приемовъ, употребляемыхъ злыми колдунами и колдуньями, по народнымъ суевѣріямъ.

3) На его счастье.

Она молода Марина отказываетъ и прибраниваетъ,
Втапоры Добрыня ни во что положилъ,
И къ нимъ Добрыня въ теремъ не пошелъ:
А стала его Марина въ окошко бранить, ему больно пѣнять;
Завидѣлъ Добрыня онъ змѣя Горыныча,
Тутъ ему за бѣду стало,
За великую досаду показалось,—
Взбѣжалъ на крылечко на красное,
А двери у терема желѣзныя,
Заперлася Марина Игнатьевна.
А молодой Добрыня Никитичъ младъ
Ухватилъ бревно онъ въ обхватъ толщины
И ударилъ онъ во двери желѣзныя,
Не доладомъ ¹⁾ изъ пята онъ вышибъ вонъ ²⁾,
И вбѣжалъ онъ на сѣни косящаты;
Бросилась Марина Игнатьевна
Бранить Добрыню Никитича:
«Деревенщина ты, дѣтина, засельщина!
«Вчера съ ты, Добрыня, во дворъ заходилъ,
«Проломилъ мою оконницу стекольчатую,
«Ты расшибъ у меня зеркало стекольчатое».
А бросится змѣище Горынчище,
Чуть его Добрыню огнемъ не спалилъ
И чуть его молодца хоботомъ не ушибъ ³⁾.
А и самъ тутъ змѣй почаль бранити его,
Больно пѣннати: «Не хочу я звать Добрынею,
«Не хочу величать Никитичемъ,
«Называю те дѣтиною деревенщиною и засельщиною:
«Почто ты, Добрыня, въ окошко стрѣляль?
«Проломилъ ты оконницу стекольчатую,
«Расшибъ зеркало стекольчатое?»

1) Неладно, грубо, не какъ слѣдуетъ.

2) Растворилъ настежь.

3) Змѣй, съ которымъ нѣсколько разъ сталкивается и котораго поражаетъ усердный христіанинъ Добрыня,—какъ надо думать,—представляетъ собою язычество.

Ему тутотко Добрынѣ за бѣду стало
И за великую досаду показалось,
Вынималъ саблю острую,
Воздымалъ выше буйны головы своей:

„А и хочешь ли тебя, змѣя, изрублю я
«Въ мелкія части пирожныя,
«Разбросаю далече по чисту полю?»

А и тутъ змѣй Горыничъ хвостъ поджалъ
Да и вонъ побѣжалъ.

Въгучи онъ, змѣй, заклиняется:

— Не дай Богъ бывать ко Маринѣ въ домъ,

— Есть у нея не одинъ я другъ,

— Есть лучше меня и повѣжливѣе.

А молода Марина Игнатьевна

Она высунулась по поясъ въ окно,

А сама она змѣя уговариваетъ:

«Воротись, милъ надежа, воротись, другъ!

«Хошь,—я Добрыню оберну клячею водовозною:

«Станеть-де Добрыня на меня и на тебя возить?»

«А еще, хошь,—я Добрыню оберну гнѣдымъ туромъ?»¹⁾

Обернула его, Добрыню, гнѣдымъ туромъ,

Пустила его даже во чисто поле,

А гдѣ-то ходять девять туровъ,

А девять туровъ, девять братанниковъ,

Что Добрыня имъ будетъ десятый туръ,

Всѣмъ атаманъ—золотые рога.

Безвѣстно не стало богатыря молода

Добрыни Никитича

Во стольномъ въ городѣ во Кіевѣ.

А много-де прошло поры, много времени,

А и не было Добрыни шесть мѣсяцевъ,

По нашему-то по сибирскому—словеть полгода.

У великаго князя вечеринка была,

А сидѣли на пиру честныя вдовы,

¹⁾ Туръ—зубръ, воль.

И сидѣла тутъ Добрынина матушка,
А другая честна вдова, молода Анна Ивановна,
Что Добрынина матушка крестовая.
Промежу собою разговоры говорятъ,
Все были рѣчи прохладныя.
Не отколь взялась тутъ Марина Игнатьевна,
Водилася съ молодцами княженецкими,
Она больно Марина упивалася,
Голова на плечахъ не держится,
Она больно Марина похваляется:
— Гой еси вы, княгини, боярыни!
— Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ
— А и нѣтъ меня хитрѣ, мудрѣ,
— А и я-де обернула девять молодцовъ,
— Сильныхъ могучихъ богатырей гнѣдыми турами;
— А и нынѣ я-де отпустила десятого молодца,
— Добрыню Никитьевича,
— Онъ вѣсь атаманъ—золотые рога.
За то-то слово изымается
Добрынина матушка родимая,
Честна вдова Амелеа Тимоѣевна:
Наливала она чару зеленаго вина,
Подносила любимой своей кумушкѣ,
А сама она за чарою заплакала:
«Гой еси ты, любимая кумушка,
«Молода Анна Ивановна!
«А и вышей чару зелена вина,
«Поминай ты любимаго крестника,
«А и молода Добрыню Никитьевича:
«Извела его Марина Игнатьевна,
«А и нынѣ на пиру похваляется».
Проговорить Анна Ивановна:
— Я-де сама эти рѣчи слышала,
— А слышала рѣчи ея похваленныя.
А и молода Анна Ивановна
Выпила чару зелена вина,

А Марину она по щекѣ ударила,
Сшибла она съ рѣзвыхъ ногъ,
Сама она Марину больно бранить.
А и женское дѣло прелестивое,
Прелестивое, перепадчивое: ¹⁾
Обернулась Марина косаточкой,
Полетѣла далече во чисто поле,
А гдѣ ходять девять туровъ,
Девять братанниковъ,
Добрыня-то ходить десятый туръ.
А сѣла она на Добрыню, на правый рогъ,
Сама она Добрыню уговариваетъ:
— Нагулялся ты, Добрыня, во чистомъ полѣ;
— Тебѣ чистое поле наскучило,
— И зыбучія болота напрокучили:
— А и хошь ли, Добрыня, жениться?
— Возьмешь ли, Никитичъ, меня за себя?
«А право возьму, ей-Богу возьму!
«А и дамъ тѣ, Марина, поученьице,
«Какъ мужья женъ своихъ учать».
Тому она, Марина, повѣрила,
Обернула его добрымъ молодцемъ,
По-старому, по-прежнему,
Какъ бы сильнымъ могучимъ богатыремъ,
Сама она обернулася дѣвицею:
Они въ чистомъ полѣ женилися,
Кругъ ракитова куста вѣнчалися.
Пошли они ко городу ко Кіеву,
Пришли они ко Маринѣ на высокъ теремъ,
Говорить Добрынюшка Никитичъ младъ:
«А и гой еси ты, моя молодая жена,
«Молода Марина Игнатьевна!
«У тебя въ высокихъ хорошихъ теремахъ
«Нѣту Спасова образа,

---

¹⁾ Т.-е. пугливое.

«Некому у ты помолитися;
«Не за что стѣнамъ поклонитися;
«А и чай моя острая сабля заржавѣла?»
А и сталь Добрыня жену свою учить,
Онъ молоду Марину Игнатьевну,
Еретицу и безбожницу;
Онъ первое ученье—ей руку отсѣкъ,
Самъ приговариваетъ:
«Эта рука мнѣ не надобна,—
«Трепала она, рука, змѣя Горынчища».
А второе ученье—ноги отсѣкъ.
А третье ученье—губы ей отрѣзаль и съ носомъ прочь:
«А эти-де губы не надобны мнѣ,—
«Цѣловали они змѣя Горынчища».
Четвертое ученье—голову ей отсѣкъ и съ языкомъ прочь:
«А и эта голова не надобна мнѣ
«И этотъ языкъ не надобенъ,—
«Зналъ онъ дѣла еретическія».

В) Отъѣздъ Добрыни изъ Кіева, его главные подвиги и возвращеніе.

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
Что у ласкова сударь князя Владиміра,
Было пированье, почестный пирь,
Было столованье, почестный столъ,
На многіе князи и бояра,
И на русскіе могучіе богатыри.
А и будетъ день въ половину дня,
И будетъ столъ во полу-столъ,
Владимірь князь распотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черны кудри расчѣсываетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
«Есть ли въ Кіевѣ таковъ человекъ
«Изъ сильныхъ могучихъ богатырей,
«А кто бы сослужилъ службу дальнюю,

«А и дальну службу, заочную?
«Кто бы съѣздилъ въ орды немирныя
«И очистилъ дороги прямоѣзжія
«До моего тестя любимаго,
«До грозна Этмануйла Этмануйловича,
«Вырубилъ Чудь бѣлоглазую,
«Прекротилъ Сорочину долгополюю,
«А и тѣхъ черкесъ пятигорскіихъ,
«И тѣхъ калмыковъ съ татарами,
«Чукши всѣ бы и алюторы?»¹⁾

Втапоры большой за меньшаго хоронилися,
А отъ меньшаго ему князю отвѣта нѣтъ.

Изъ той скамьи богатырскія
Выступается удалъ добрый молодець,

Молодой Добрыня Никитичъ младъ.

—Гой еси, сударь ты мой дядюшка,

—Ласковое солнце, Владиміръ князь!

—Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ,

—Быть мнѣ передъ княземъ невольникомъ:²⁾

—Я сослужу службу дальную,

—Службу дальную, заочную,

—Очищу дороги прямоѣзжія

—До твоего тестя любимаго,

—До грозна короля Этмануйла Этмануйловича;

—А я вырублю Чудь бѣлоглазую,

—Прекрочу Сорочину долгополюю,

—Да и тѣхъ черкесъ пятигорскіихъ,

—А и тѣхъ калмыковъ съ татарами,

—Чукши всѣ и алюторы.

Втапоры Владиміръ князь

Приказалъ наливать чару зелена вина въ полтора ведра,

Подавали Добрынѣ Никитичу.

Принимаетъ онъ, Добрыня, единой рукой,

¹⁾ Рѣчь идетъ о разныхъ инородцахъ, сосѣдяхъ русской земли.

²⁾ Когда нѣтъ охотниковъ, я по неволѣ пойду.

Выпиваетъ молодець единымъ духомъ
И турій рогъ меду сладкаго.
И пошелъ онъ Добрыня Никитичъ младъ
Съ княженецкаго двора къ своей сударушкѣ матушкѣ,
Просить благословеніе великое:

«Благослови меня, матушка,
«Матера вдова, Амелѣа Тимоѣевна,
«Бхать въ дальнія орды немирныя!
«Дай мнѣ благословеніе на шесть лѣтъ,
«Еще въ запасъ на двѣнадцать лѣтъ».

Говорила ему матушка:

— На кого покидаешь ты молодую жену,
— Молодую Настасью Микулишну? ¹⁾
— Зачѣмъ же ты, дитятко, и бралъ за себя?
— Что не прошли твои дни свадебные,
— Не успѣлъ ты отпраздновать радости своей
— Да передъ княземъ расхвастался въ походъ идти?

Говорилъ ей Добрынюшка Никитичевичъ:

«А ты гой еси, моя сударыня матушка,
«Честна вдова Амелѣа Тимоѣевна!
«Что же мнѣ дѣлать и какъ же быть?
«Изъ чего же насъ богатырей князю и жаловати?»
И даетъ ему матушка благословеніе великое

На тѣ годы уреченные.

Прощается Добрыня Никитичъ младъ
Съ молодой женой, съ душой Настасьей Микулишной,
Самъ молодой женѣ наказываетъ:

«Жди меня, Настасья, шесть лѣтъ,
«Ты жди меня въ двѣнадцать лѣтъ;
«Коли пройдетъ двѣнадцать лѣтъ,
«Хоть за князя поди, хоть за боярина,—
«Не ходи только за брата моего названого,

¹⁾ Добрыня, послѣ того какъ убилъ Марину, встрѣтилъ въ чистомъ полѣ великую-поленицу, младшую дочь Микулы Селяниновича, Настасью Микулишну и сразился съ ней. Онъ не побѣдилъ Настасью въ бою, но полюбился ей,—и она вышла за него замужъ.

«За смѣлаго за Алешу за Поповича,
«За бабьяго насмѣшничка, за судейскаго прелестничка!»
И поѣхаль Добрыня Никитичъ младъ
Въ славныя орды немирныя.
А и ѣздитъ Добрыня въ тѣхъ немирныхъ ордахъ:
Рубить Чудь бѣлоглазую,
И тое Сорочину долгополюю,
А и тѣхъ черкесъ пятигорекіихъ,
А и тѣхъ калмыкъ съ татарами,
И чукши все и алюторы,—
Всеякимъ языкамъ спуску нѣтъ.
Очистилъ дорогу прямоѣзжую
До его ¹⁾ тестя любимаго,
До грознаго короля Этмануйла Этмануйловича.
А втапору Настасѣ шесть лѣтъ прошло;
И не мало время помѣшкавши,
Прошло ей, Мигулишиѣ, все двѣнадцать лѣтъ.
А никто ужъ къ Настасѣ не сватается,
Посватался Владиміръ князь стольно-кіевскій
А за смѣлаго Алешеньку Поповича.
Пріѣзжалъ Алеша изъ чиста поля,
Привозилъ онъ, солгалъ вѣсточку не радостну,
Что нѣтъ жива Добрыни Никитича.
Сталъ Солнышко Владиміръ тутъ похаживать,
Сталъ похаживать, поговаривать:
«Какъ тебѣ жить молодой вдовой,
«Молодой вдовой свой вѣкъ коротать?
«Поди замужъ хотъ за князя, хотъ за боярина,
«А хотъ за русскаго за могучаго богатыря,
«А хотъ за смѣлаго за Алешу Поповича».
А скоро эта свадьба учинилася,
И скоро ту свадьбу ко вѣнцу повезли.
Втапору Добрыня ѣдетъ въ Кіевъ градъ.
Старые люди переговариваютъ:

Алеша
1) Князя Владиміра.

«Знать-де полетка соколиная,
«Видать и поѣздка молодецкая,
«Что быть Добрынь Никитичу!»
И проѣхаль молодець на вдовій дворъ,
Пріѣхаль къ ней ¹⁾ среди двора,
Скочилъ Добрыня съ добра коня,
Привязаль коня къ дубову столбу,
Къ тому кольцу ко булатному.
Матушка его старехонька:
Некому Добрынюшки встрѣтити.
Походилъ Добрыня въ свѣтлу гридню,
Онъ Спасову образу молится,
Матушкѣ своей кланяется:
«А ты здравствуй, сударыня матушка,
«Матера вдова Амелеа Тимоѣевна!
«Въ домѣ ли, здорова ли женушка моя?»
Втапору его матушка заплакала,
Говорила таковы слова:
«Гой еси, мое чадо милое!
«А твоя ли жена замужъ пошла
«За смѣлаго Алешу Поповича:
«Нынѣ имъ у вѣнца стоять».
И походить онъ, Добрыня Никитичъ младъ,
Къ великому князю явится.
Втапору Владиміръ князь съ тою свадьбою
Пріѣхаль на свой княженецкій дворъ,
Пошли во гридни во свѣтлыя,
Садилися за столы за убраные.
Приходилъ тутъ Добрыня Никитичъ младъ.
Онъ молится Спасову образу,
Кланяется князю Владиміру и княгинѣ Апраксѣевнѣ,
Кланяется и на всѣ четыре стороны:
«Здравствуй ты, осударь, Владиміръ князь
«Съ душой княгиней Апраксѣевой!

1) Т.-е. на дворъ своей матери.

«Сослужилъ я, Добрыня, тебѣ князю службу дальнюю,
«Съѣздилъ я въ орды немирныя
«И очистилъ дорогу прямоѣзжую
«До твоего тестя любимаго,
«До грознаго короля Этмануйла Этмануйловича,
«Вырубилъ Чудь бѣлоглазую,
«Прекротилъ Сорочину долгополую,
«И тѣхъ черкесь пятигорскіихъ,
«А и тѣхъ калмыковъ съ татарами,
«Чукши всѣ и алкюторы».

Втапоры за то похвалилъ князь Добрынюшку:

—Исполать тебѣ, добрый молодецъ,

—Что служишь князю вѣрою и правдою!

Говорить тутъ Добрыня Никитичъ младъ:

«Что не дивую я разуму женскому,

«Что волосъ дологъ да умъ коротокъ:

«Ихъ ¹⁾ куда ведутъ, онѣ туда идутъ,

«Ихъ куда везутъ, онѣ туда ѣдутъ.

«А дивую я Солнышку Владиміру

«Съ душою княгинею Апраксѣвною:

«Солнышко Владиміръ тутъ сватомъ былъ,

«А княгиня была свахою,—

«Они у живого мужа жену просватали!»

Втапоры Настасья Микулишна заплакала:

—Ты прости, прости, Добрынюшка Никитичъ,

—Въ той винѣ прости меня, въ глупости,

—Что не по твоему наказу-де я сдѣлала,

—Что за смѣлаго Алешеньку просваталась:

—Я просваталась за Алешеньку неволею.

Она хочеть прямо скочить, обезчестить столы.

Говорилъ Добрыня Никитичъ младъ:

«А и ты, душка Настасья Микулишна!

«Прямо не скачи, не безчести столы,—

«Будеть пора—кругомъ обойдешь!»

¹⁾ Женщинъ.

Взялъ ее за руку и вывелъ изъ-за убранныхъ столовъ,
Извинился князю Владиміру
Съ княгиней Апраксѣвной,
Да и смѣлому Алешѣ Поповичу,
Бабьему насмѣшничку, судейскому прелестничку.
Только Алешенька и женатъ бывалъ.

Вѣкъ про Добрыню старину скажутъ,
Синему морю на тишину,
Вамъ всеѣмъ добрымъ людямъ на послушанье.

3. Богатырь Алѣша Поповичъ.

Изъ славнаго Ростова, красна города,
Какъ два ясные сокола вылетывали,
Выѣзжали два могучіе богатыря,—
Что по имени Алешенька Поповичъ младъ,
А со молодымъ Екимомъ Ивановичемъ.
Они ѣздятъ богатыри плечо о плечо,
Стремяно въ стремяно богатырское.
Они ѣздили, гуляли по чисту полю,
Ничего они въ чистомъ полѣ не наѣзживали,
Не видали птицы перелетныя,
Не видали они звѣря прыскучаго,—
Только въ чистомъ полѣ наѣхали:
Лежатъ три дороги широкія,
Промежѣ тѣхъ дорогъ лежитъ горючъ камень ¹⁾,
А на камени подпись подписана.
Взговорить Алеша Поповичъ младъ:
«А и ты, братецъ, Екимъ Ивановичъ!

¹⁾ „Бѣль горючъ камень“ или просто „горючъ камень“,—янтарь. Иногда въ народной поэзіи онъ зовется *Латырь-камень*, и ему приписывается чудодѣйственная сила. Янтареѣмъ изобилуетъ побережье Балтійскаго моря, но его находили довольно большими кусками и на правомъ берегу Днѣпра.

«Въ грамотѣ поученій человѣкъ—

«Посмотри на каменю подписи,

«Что на каменю подписано».

И скочилъ Екимъ со добра коня,

Посмотрѣлъ на каменю подписи,—

Росписаны дороги широкія:

Первая дорога въ Муромъ лежитъ,

Другая въ Черниговъ градъ,

Третья ко городу ко Кіеву,

Ко ласкову князю Владиміру.

Говорилъ тутъ Екимъ Ивановичъ:

—А и братецъ, Алеша Поповичъ младъ,

—Которою дорогою изводишь ѣхать?

Говорилъ ему Алеша Поповичъ младъ:

«Лучше намъ ѣхать къ городу ко Кіеву,

«Ко ласкову князю Владиміру».

Втапору поворотили добрыхъ коней

И поѣхали они ко городу ко Кіеву.

Не доѣхавши они до Сафать рѣки,

Становились на лугахъ на зеленыхъ:

Надо Алешѣ накормить добрыхъ коней.

Разставили тутъ два бѣлыхъ шатра;

Что изволилъ Алеша опочивъ держать.

А и мало время позамѣшкавши,

Молодой Екимъ-то добры кони

Стреноживши въ зеленъ лугъ пустилъ;

Самъ ложился въ свой шатеръ опочивъ держать.

Прошла та ночь осенняя,

Ото сна пробуждается,

Встаетъ рано ранешенько,

Утренней зарей умывается,

Бѣлою ширинкою утирается,

На востокъ онъ Алеша Богу молится.

Молодой Екимъ сынъ Ивановичъ

Скоро сходилъ по добрыхъ коней,

А сводилъ ихъ поить на Сафать рѣку;

И приказаль ему Алеша
Скоро сѣдлатъ добрыхъ коней;
Осѣдлавши онъ Екимъ добрыхъ коней,
Наряжаются они ѣхать ко городу ко Кіеву.
Пришелъ тутъ къ нимъ калика перехожій;
Лапотки у него семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико ¹⁾ унизано краснымъ золотомъ,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа сорочинская ²⁾, земли греческой,
Въ тридцать пудъ шеленуга ³⁾ подорожная,
Въ пятьдесятъ пудъ налита свинцу чебурацкаго.
Говорить калика таково слово:

«Гой вы еси, удалы добры молодцы!

«Видѣль я Тугарина Змѣевича:

«Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ сажень,

«Промежъ плечей косая сажень,

«Промежу глазъ калена стрѣла;

«Конь подъ нимъ какъ лютый звѣрь,

«Изъ хайлица ⁴⁾ пламень пышетъ,

«Изъ ушей дымъ столбомъ стоитъ». ⁵⁾

Привязался Алеша Поповичъ младъ:

— А и ты, братецъ, калика перехожая!

— Дай мнѣ платье каличье,

— Возьми мое богатырское:

— Лапотки свои семи шелковъ,

— Подковырены чистымъ серебромъ,

— Личико унизано краснымъ золотомъ,

— Шубу свою соболиную, долгополую,

— Шляпу сорочинскую, земли греческой,

1) Передокъ.

2) Сарапинская, арабская.

3) Кистень.

4) Хаймище—пасть.

5) Тугаринъ Змѣевичъ, подобно Змѣю Горынычу, олицетвореніе языка и нечистой силы.

—Въ тридцать пудъ шелепугу подорожную,
—Въ пятьдесятъ пудъ налиту свинцу чебурацкаго.
Даеъ свое платье калика Алешѣ Поповичу
Не отказываючи; а на себя надѣвалъ
То платье богатырское.
Скоро Алеша каликою наряжается
И взялъ шелепугу дорожную,
Котора была въ пятьдесятъ пудъ,
И взялъ въ запасъ кинжалище булатное,
Пошелъ за Сафать рѣку.
Завидѣлъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ, —
Подрогнула дубравушка зеленая,
Алеша Поповичъ едва живъ идетъ.
Говорилъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
«Гой еси, калика перехожая!
«А гдѣ ты слыхалъ и гдѣ видалъ
«Про смѣлаго Алешу Поповича?
«А и я бы Алешу копьемъ закололъ,
«Копьемъ закололъ и огнемъ спалилъ».
Говорить тутъ Алеша каликою: ¹⁾
—А и ты гой еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
—Поѣзжай поближе ко мнѣ,
—Не слышу я, что ты говоришь.
И подѣзжалъ къ нему Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
Сверстался ²⁾ Алеша Поповичъ младъ
Противъ Тугарина Змѣевича,
Хлеснулъ его шелепугою по буйной головѣ,
Расшибъ ему буйну голову, —
И упалъ Тугаринъ на сыру землю;
Вскочилъ ему Алеша на черну грудь.
Втапору взмолился Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
«Гой ты еси, калика перехожая!

¹⁾ Т.-е. представляясь каликою, какъ будто онъ калика.

²⁾ Сверстался—поровнялся.

«Не ты ли Алеша Поповичъ младъ?
«Только ты Алеша Поповичъ младъ, ¹⁾
«Семъ побратуемся съ тобой».
Втапоры Алеша врагу не вѣровалъ,
Отрѣзаль ему голову прочь,
Платье съ него снималь цвѣтное
На сто тысячей—и все платье на себя надѣвалъ;
Садился на его добра коня
И поѣхаль къ своимъ бѣлымъ шатрамъ.
Втапоры увидѣли Екимъ Ивановичъ
И калика перехожая,
Испужалися его ²⁾, сѣли на добрыхъ коней,
Побѣжали ко городу Ростову,—
И постигаетъ ихъ Алеша Поповичъ младъ,
Обернется Екимъ Ивановичъ,
Онъ выдергиваль палицу боевую въ тридцать пудъ,
Бросиль назадъ себѣ,—
Показалось ему, что Тугаринъ Змѣевичъ младъ,—
И угодилъ въ груди бѣлыя Алеши Поповича,
Сшибъ изъ сѣделечка черкесскаго,
И упаль онъ ³⁾ на сыру землю.
Втапоры Екимъ Ивановичъ
Скочиль со добра коня, сѣлъ на груди ему,
Хочетъ пороть груди бѣлыя—
И увидѣль на немъ золотъ чуденъ крестъ,
Самъ заплакаль, говорилъ каликѣ перехожему:
«По грѣхамъ надо мною Екимомъ учинилося,
«Что убиль своего брата родимаго».
И стали его оба трясти и качать,
И потомъ подали ему питья заморскаго;
И отъ того онъ здравъ сталь.
Стали они говорити и между собою платьемъ мѣняти:
Калика свое платье надѣвалъ каличье,

1) „Только“ вмѣсто „если“: „если ты точно Алеша Поповичъ, то...“

2) Приняль его по платью за Тугарина Змѣевича и потому испугался.

3) Т.-е. Алеша Поповичъ, котораго сшибъ Екимъ Ивановичъ.

А Алеша—свое богатырское,
А Тугарина Змѣевича платьѣ цвѣтное
Клали въ чемоданъ къ себѣ;
Сѣли они на добрыхъ коней,
И поѣхали всѣ ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
А и будутъ они въ городѣ Кіевѣ
На княженецкомъ дворѣ,
Соскочили со добрыхъ коней,
Привязали къ дубовымъ столбамъ,
Пришли во свѣтлы гридни,
Молятся Спасову образу
И бьютъ челомъ, поклоняются
Князю Владиміру и княгинѣ Апраксѣевнѣ,
И на всѣ четыре стороны.
Говорилъ имъ ласковый князь Владиміръ:
— Гой вы еси, добры молодцы!
— Скажитесь, какъ васъ по имени зовутъ?
— А по имени вамъ можно мѣсто дать,
— По изотчеству можно пожаловати.
Говорить тутъ Алеша Поповичъ младъ:
«Меня зовутъ, сударь, Алешею Поповичемъ,
«Изъ города Ростова я, сынъ пона соборнаго».
Втапоры Владиміръ князь обрадовался,
Говорилъ таковы слова:
— Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
— По отчеству садися въ большое мѣсто, въ передній уголь,
— Пожалуй живи ты въ Кіевѣ,
— Служи мнѣ, князю Владиміру,
— До любви ¹⁾ тебя пожалую.
Втапоры Алеша Поповичъ послушался,
Сталъ служить князю вѣрою и правдою.

То старина, то и дѣянье.

---

1) Т.-е. буду любить тебя и жаловать

4. ~~Василій Игнатъевичъ Долгополый.~~

А) ~~Василій Игнатъевичъ~~ посломъ ѣдетъ.

Во славномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова было князя Владиміра,
Столованье было, пированье, почестный пиръ.

Говорить батюшка Владиміръ князь:

«Ой ты гой еси, Василій сынъ Игнатъевичъ!

«У меня тебѣ, Василью, служба явленная,—

«Ѣхати Василью въ большую орду,

«Въ большую орду заѣданскую

«Ко царю ли ко заѣданскому,

«Вести ли тебѣ дани, вести пошрины:

«Вести тебѣ двѣнадцать ясныхъ соколовъ,

«Вести тебѣ двѣнадцать бѣлыхъ кречетовъ,

«Вести тебѣ миса красна золота,

«Вести тебѣ миса чиста серебра,

«Вести тебѣ миса скатна жемчуга».

Василій отъ того не отпирается:

— Ахъ ты гой еси, батюшка Владиміръ князь,

— Куда меня пошлешь, я тебѣ радъ служить;

— Только дай ты мнѣ въ товарищи

— Молода Добрыню Никитича».

Не брали они ни дани, ни пошрины,

Ухватили лучишко дорожное; ¹⁾

Поѣхали ребята не воротами

Скочили черезъ стѣну городовую,

Черезъ тѣ башни наугольныя.

Приѣхали ребята въ землю заѣданскую,

Приѣхали къ царю заѣданскому.

Остался Добрыня на новыхъ сѣняхъ,

Въ палаты пошелъ Василій, сынъ Игнатъевичъ,

Ко царю, ко заѣданскому:

«Ой ты гой еси, заѣданскій царь!

¹⁾ Дорожный плохонькій лукъ.

«Изволь принять дани и пошлины:
«Изволь принять двѣнадцать ясныхъ соколовъ,
«Изволь принять двѣнадцать бѣлыхъ кречетовъ,
«Изволь принять миса чиста золота,
«Изволь принять миса чиста серебра,
«Изволь принять миса скатна жемчуга
«Отъ ласкова князя Владиміра!»

Говорить ему царь заѡданскій:

— Ахъ ты гой еси, Василій, сынъ Игнатъевичъ!

— Есть ли у васъ таковы умильны ¹⁾ игроки:

— Поиграть бы въ тавлѣи во вальящеты?» ²⁾

Отвѣчаетъ Василій Игнатъевичъ:

«Ахъ ты гой еси, заѡданскій царь!

«Я не зналъ охоты твоей царскія,

«Не бралъ изъ города умильныхъ игроковъ;

«А надѣюся на Спаса, на Пречистую,

«На матушку на Божью Богородицу,

«Надѣюсь на братца на названаго,

«На млада на Добрынюшку Никитича:

«Съ измалехонька Добрынюшка тѣшился,

«Съ малыми ребятами игрывалъ».

Кликнули Добрыню Никитича,

Подернули столы бѣлодубовые,

Раздернули тавлѣи вальящеты.

Первую тавлеюшку царь ступилъ,

Другую тавлеюшку Добрыня Никитичъ младъ;

Третью тавлеюшку царь ступилъ,

Четвертую Добрыня Никитичъ младъ:

Больше царю ступить некуда;

Та игра была проиграна.

Вновь бьетъ челомъ Василій, сынъ Игнатъевичъ:

«Ой ты гой еси, заѡданскій царь!

«Изволь принять дани и пошлины:

1) Умильны—умѣльны, т.-е. искусные, умѣющіе хорошо играть.

2) Рѣзня шашки или шахматы.

«Двѣнадцать ясныхъ соколовъ,
«Двѣнадцать бѣлыхъ кречетовъ,
«Миса красна золота,
«Миса чиста серебра,
«Миса скатна жемчуга
«Отъ ласкова князя Владиміра.»

Говоритъ ему забданскій царь:

— Ахъ ты гой еси, Василій сынъ Игнатъевичъ!

— Есть ли у васъ таковы умильны борцы:

— Поборолись бы съ борцами-татарами?—

Отвѣчаетъ Василій сынъ Игнатъевичъ:

«Охъ ты гой еси, забданскій царь!

«Я не зналъ, право, охоты твоей царскія:

«Не бралъ изъ города умильныхъ борцовъ;

«А надѣюсь на Спаса, на Пречистую,

«На Матушку на Божью Богородицу,

«Надѣюсь на брата на названого,

«На молода Добрынюшку Никитича:

«Съ измалехонька Добрынюшка тѣшился,

«Съ молодыми ребятишками бѣрывался.»

Крикнули Добрыню Никитича;

На улкѣ ¹⁾ у царя ходять три борца,

Три борца, три татарина:

Дружка дружку за воротъ похватываютъ,

Дружка дружку на земь побрасываютъ.

Спускается Добрыня со красна крыльца,

Въ одномъ спускается однорядочкѣ: ²⁾

«Ахъ ты гой еси, забданскій царь!

«Какъ прикажешь мнѣ боротися:

«Со всѣми ли вдругъ или поодиначкѣ?»

Говоритъ забданскій царь:

— Охъ ты гой еси, Добрыня Никитичъ младъ!

— Ты какъ изволишь, такъ и борись!

¹⁾ На улицѣ.

²⁾ *Однорядокъ*—однобортная одежда.

Добрыня взялъ перваго татарина за воротъ,
Второго татарина взялъ за голову,
Третьяго татарина взялъ за волосы,
Бросилъ ихъ о сыру землю,
Зашибъ до смерти, до скорыя;
Та борьба поборота,
Внѣво бьетъ челомъ Василій сынъ Игнатьевичъ:
«Ой ты гой еси, забданскій царь!
«Изволь принять дани и пошлины:
«Двѣнадцать ясныхъ соколовъ,
«Двѣнадцать бѣлыхъ кречетовъ,
«Миса красна золота,
«Миса чиста серебра,
«Миса скатна жемчуга
«Отъ ласкова князя Владиміра!»
Говорить ему забданскій царь:
— Ахъ ты гой еси, Василій сынъ Игнатьевичъ,
— Есть ли у васъ таковы умилны стрѣльцы:
— Пострѣляли бы изъ нашихъ тугихъ луковъ?
Отвѣчаетъ Василій сынъ Игнатьевичъ:
«Ахъ ты гой еси, забданскій царь!
«Я не зналъ, право, охоты твоей царскія,
«Не бралъ изъ города умилныхъ стрѣльцовъ;
«А надѣюсь на Спаса, на Пречистую,
«На Матушку на Божью Богородицу,
«Надѣюсь на брата на названнаго,
«На млада Добрынюшку Никитича:
«Съ измалѣхонька онъ тѣшился,
«Изъ маленькихъ лучишекъ пострѣливалъ.»
Кликнули Добрыню Никитича.
На ѳлкахъ у царя несутъ тугой лукъ:
Подъ конецъ несетъ его сто татаровея,
Подъ другой несетъ другое сто,
Подъ середочку третье сто;
Всѣ идутъ татарове—покрѣхтываютъ.
Береть лукъ Добрыня ручкой правою,

Кладеть ли Добрыня подь ножку подь лъвую,

Съ лъвья ножки на право плечо:

Заскрипѣли только полосы булатныя,

Заревѣли змѣи у туга лука,

Поломалась полоса булатная,

Съ бедра Добрыня бросилъ лукъ о землю:

«Ахъ ты гой еси, забданскій царь!

«Что ты мнѣ этакой-то лукъ принесъ?»

«Ахъ вы гой еси, слуги татарове!

«Тащите-ка мое лучишко дорожное,

«Дорожное лучишко, завбзное!»

Береть Добрыня ручкой правою,

Кладеть Добрыня подь ножку подь лъвую:

Защелкала тетивочка шелковая,

Потянулся у Добрыни тугой лукъ;

Наложилъ Добрыня стрѣлку каленую.

Говорить Добрыня Никитичъ младъ:

«А ты гой еси, забданскій царь!

«Ты куда прикажешь изъ лука стрѣлять?»

«По татаровамъ стрѣлять или въ чисто поле,

«Въ матерое дубово дерево?»

Отвѣчаетъ забданскій царь:

— Ахъ ты гой еси, Добрыня Никитичъ младъ!

— Ты куда поизволишь, туда и стрѣлай.

Разжалился стрѣлять Добрыня по татаровамъ,

Стрѣлялъ онъ далече во чисто поле,

Въ то ли во матерое во дубово дерево,

Расшибъ дубъ-дерево въ черенъе во ножевое;

Еще стрѣла не уходилася,—

Залетѣла стрѣла въ пещеру бѣлокаменную,

Убила змя троеглаваго.

Скочили ребята на добрыхъ коней;

Не дали ребята ни дани, ни пошлыны;

Увѣзжали ребята въ стольный Кіевъ градъ.

Б) Василій Игнатьевичъ гуляетъ.

Изъ-подъ той сподъ восточныя сторонушки
Наѣдетъ Батыга Батыговичъ,
Съ сыномъ Батыгомъ Батыговичемъ,
Съ зятемъ Тараканчикомъ Корабликовымъ;
У Батыги силы сорокъ тысящей,
У сына силы сорокъ тысящей,
У зятюшки силы сорокъ тысящей.
Обступили округъ Кіева кругомъ, кругомъ, кругомъ:
Соколу летѣтъ на меженный день, ¹⁾
Маленькой птичкѣ не пролетѣтъ.
Не случилось во Кіевѣ богатырей,
Одна объявилась голь кабацкая.
По гулямъ гуляль ²⁾ во двѣнадцать лѣтъ
Василій Долгополый сынъ Игнатьевичъ.
Приводили Василья ко князю Владиміру.
Говорилъ Василій таковы слова:
«Солнышко Владиміръ стольно-кіевскій!
«Налей-ка чару опохмельную,
«Опохмель калику перехожую.
«Постою я за славенъ Кіевъ-градъ
«И за домъ Пресвятыя Богородицы,
«И за тую вѣру христіанскую.»
Наливали ему чару зелена вина,
Другу наливали пива пьянаго,
Третью наливали меду яраго,
Сливали питье въ одно мѣсто,
Объявилось питья полтора ведра.
Взимаешь Васильюшка одной рукой,
Выпиваетъ Василій на единый духъ.
Онъ направливалъ лукъ—калену стрѣлу,
Налагалъ-то стрѣлочку каленую,
Стрѣлялъ Василій по Батыгинымъ шатрамъ,

1) Т.-е. длинный лѣтній день.

2) Т.-е. кутиль, пьянствовалъ.

Убилъ онъ наилучшихъ головушекъ хорошенькихъ:

Убилъ сына Батыга Батыговича,
Убилъ зятя Тараканчика Корабликова.

Стали въ Кіевѣ виноватаго искать,
Нашли-то Василья въ кабакъ на печи,
Приводили Василья къ Батыгѣ на лицо;
Говорилъ Василій таковы слова:

«Ты прости меня, Батыга, во большой во винѣ,
«Убилъ я наилучшихъ головушекъ хорошенькихъ:
«Убилъ сына Батыга Батыговича,
«Убилъ зятя Тараканчика Корабликова.
«Опохмель-ка ты, Батыга, чарой хмельнаго,
«Пособлю-ка я тебѣ взять славець Кіевъ-градъ!»

На тья рѣчи Батыга приокинулся:

Наливаетъ ему чару зелена вина,
Другую сливаетъ пива пьянаго,
Третью чару меду яраго,
И сливали питье во едино мѣсто:
Объявилось питья полтора ведра,
Вѣсомъ его полтора пуда.

Взимаетъ Васильюшка одной рукой,
Вышиваетъ Василій на единый духъ,
Говорить Василій таково слово:

«Я могу теперь владать добрымъ конемъ,
«Я могу теперь махать вострой сабелькой.»

Поѣхалъ Васильюшка въ чисто поле гулять,
Зачалъ по полюшку наѣзживати,
Батыгиной силушки порубливати;

Разгорячилось у Василья ретиво сердце,
Размахалась у Василья ручка правая:

Прирубилъ онъ силушку Батыгину,
Прирубилъ, пригубилъ до единой головы;

Отъ него Батыга въ побѣгъ пошелъ,
Побѣжалъ старый песь, заклинается:

«Не дай-то Богъ бывать на Святой Руси,
«Ни мвѣ-ка, ни дѣтямъ, ни внучатамъ!»

5. Михайло Пóтыкъ 1) Ивановичь.

А) Сорокъ каликъ со каликою.

Ходили калики перехожія изъ орды въ орду,
Сорокъ каликъ со каликою,
Лапотики на ножкахъ у нихъ были шелковые,
Подсумочки спиты черна бархата,
Въ рукахъ были клюки кости рыбаея,
На головушкахъ были шляпки земли греческой.
Собиралися сорокъ каликъ со каликою
Ко святому граду Іерусалиму,
Становилися во единый кругъ,
Они думали думушку крѣпкую:
Выбирали большаго атамана,
Молода Пóтыка Михаила Ивановича.
А и молодой Пóтыкъ Михайло Ивановичь
Кладеть онъ заповѣдь великую
На всѣхъ тѣхъ дородныхъ молодцовъ:
«А ийти намъ, братцы, дорога не ближняя,
«Ийти будетъ ко городу Іерусалиму,
«Святой Святинѣ помолитися,
«Господню гробу приложитися,
«Во Ердань-рѣкѣ искупатися,
«Нетлѣнной ризой утеретися;
«Ийти селами и деревнями,
«Городами тѣми съ пригородками;
«А въ томъ-то вѣдь заповѣдь положена:
«Кто украдетъ или кто солжетъ,
«Не скажетъ большому атаману,
«Атаманъ про то провѣдаетъ,—
«Едина оставить въ чистомъ полѣ
«И окопать по плечи въ сыру землю.»
И въ томъ-то вѣдь заповѣдь подписана,
Бѣлыя рученьки исприложены.

1) *Потыкъ* отъ *потыкаться*, слоняться по міру.

Пошли калики въ Іерусалимъ градъ.
А идутъ недѣлю ужъ сподряду,
Идутъ уже время не малое,
Подходятъ уже они подъ Кіевъ-градъ,
Идутъ сверхъ тое рѣки Череди,
На его потѣшныхъ на островахъ,
Что великаго князя Владиміра;
А и вышли они изъ раменя, ¹⁾
Встрѣчу имъ-то Владиміръ князь.
Ѣздитъ онъ за охотою,
Стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ малыхъ утокъ,
Лисицъ, зайцевъ всѣхъ поганиваетъ;
Приходилось ему ѣхати поблизости;
Завидѣли его калики переходя,
Становились во единый кругъ,
Клюки-посохи въ землю потыкали,
А и сумочки исповѣсили,
Вскричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Дрогнетъ матушка сыра земля,
Съ деревъ вершины попадали,
Подъ княземъ конь окорачился,
А богатыри съ коней попадали.
Князь Владиміръ стольно-кіевскій
Разсмотрѣлъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ,—
Они-то ему поклонилися,
Великому князю Владиміру,
Прошаютъ у него святую милостыню,
А и чѣмъ бы молодцамъ души спасти.
Отвѣчаетъ имъ ласковый Владиміръ князь:
«Гой вы еси, калики переходя!
«Хлѣбы съ нами завозные,
«А и денегъ съ нами не годилося; ²⁾

1) *Раменье*—лѣсъ, граничащій съ полями, съ пашней; отъ *рама*—*межа*, граница.

2) *Нѣтъ*, не случилось.

«А и ѣзжу я, князь, за охотою,
«За зайцами, за лисицами
«И стрѣляю гусей, бѣлыхъ лебедей,
«Перелетныхъ малыхъ уточекъ.
«Изволите вы идти во Кіевъ-градъ,
«Ко душѣ княгинѣ Апраксѣевнѣ:
«Напоить, накормить васъ добрыхъ молодцовъ,
«Надѣлать васъ въ дорогу злата-серебра.»
Не долго калики думу думали,
Пошли ко городу ко Кіеву.
А и будутъ въ городѣ Кіевѣ
Среди двора княжецкаго,
Клюки-посохи въ землю потыкали,
А и сумочки исповѣсили,
Подсумочья рыта бархата;
Вскричатъ калики зычнымъ голосомъ:
Съ теремовъ верхи повалялися,
Въ погребяхъ питья всколебалися.
Становилися во единый кругъ,
Прошаютъ святую милостыню
У молоды княгини Апраксѣевны.
Молода княгиня испужалася,
А и больно она передрогнула,
Посылаетъ стольниковъ и чашниковъ
Звать каликъ въ свѣтлу гридню;
Пришли тутъ стольники и чашники,
Бьютъ челомъ, поклоняются
Молоду Михайлу Пѣтыку Ивановичу
Со всѣми его товарищами:
Хлѣба ѣсть во свѣтлу гридню
Къ молодой княгинѣ Апраксѣевнѣ.
А и тутъ Михайло не ослушался,
Походилъ во гридню свѣтлую
Со всѣми своими товарищами.
Они Спасову образу молятся,
Молодой княгинѣ поклоняются.

Молодой Михайло Пóтыкъ Ивановичъ
Садился въ мѣсто большее;
Отъ лица его молодецкаго,
Какъ бы отъ солнышка краснаго,
Лучи стоятъ великіе.
Убрались тутъ всѣ добры молодцы,
А и тѣ калики переходя
За тѣ столы убраны;
А и стольники, чашники
Поворачиваютъ, пошевеливаютъ
Своихъ они приспѣшниковъ;
Понесли-то яства сахарныя,
Понесли питья медвяныя;
А и тѣ калики переходя
Сидятъ за столами убраными,
Убираютъ яства сахарныя,
А и тѣ вѣдь пьютъ питья медвяныя.
И сидятъ они время часъ-другой,
Въ третьемъ часу подымалися,
Поднявшись, они Богу молятся,
За хлѣбъ, за соль бьютъ челомъ
Молодой княгинѣ Апраксѣвнѣ
И всѣмъ стольникамъ и чашникамъ;
А того они еще ожидаючи
У молодой княгини Апраксѣвны,
Надѣлила бѣ на дорогу златомъ-серебромъ
Сходить бы во градъ Іерусалимъ.
А у молодой княгини Апраксѣвны
Не то въ умѣ, не то въ разумѣ:
Пошлетъ Алешеньку Поповича
Атамана ихъ уговаривати
И всѣхъ каликъ переходящихъ,
Чтобъ не идти имъ сего дня и сего числа.
И сталъ Алеша уговаривати
Молода Михайла Пóтыка Ивановича.
Молодой Михайло Пóтыкъ Ивановичъ

Отказаль онъ Алешѣ Поповичу.
На то княгиня осердилася,
Посылаеть Алешеньку Поповича,
Прорѣзать бы Потыку суму рыта бархата,
Запахать бы въ суму чарочку серебряну,
Которой чарочкой князь на прїѣздѣ пьетъ.
Алеша то догадливъ былъ,
Распороль суму рыта бархата,
Запахаль чарочку серебряну
И зашиваль гладехонько;
Съ тѣмъ калики и въ путь пошли,
А идуть калики не оглянутся,
Отошли они съ десятокъ версть
Отъ стольнаго города отъ Кіева, —
Молода княгиня Апраксѣвна
Посылаеть Алешу въ погонь за ними.
А молодой Алеша захлѣвшевый былъ, —
У Алешеньки вѣжество не рожденное, —
Онъ настигъ каликъ въ чистомъ полѣ,
Онъ и сталъ съ каликами спорити,
Обличаеть ворами-разбойниками:
«Вы-то, калики, бродите по міру по крещеному,
«Кого обкрадете—своимъ зовете!
«Покрали княгиню Апраксѣвну,
«Унесли вы чарочку серебряну,
«Которой чарочкой князь на прїѣздѣ пьетъ.»
А въ томъ калики не даются ему,
Захлѣшшевому Алешѣ Поповичу,
Не давали ему на обыскъ себя.
Поворчалъ, побранился Алешенька,
Поѣхаль ко городу ко Кіеву
И такъ прїѣхаль въ стольный Кіевъ градъ.
Въ то же время и въ тотъ же часъ
Прїѣхаль князь изъ чиста поля,
И съ нимъ Добрыня Никитичъ младъ:
Молода княгиня Апраксѣвна

Позоветь Добрынюшку Никитича,
Посылаетъ за каликами,
За Михайломъ Пóтыкомъ Ивановичемъ.
Втапору Добрынюшка не ослушался,
Скоро поѣхаль въ чисто поле.
У Добрыни вѣжество рожденное и ученое, —
Настигъ онъ каликъ въ чистомъ полѣ,
Скочилъ съ коня, самъ бьетъ челомъ:
«Гой еси, Михайло Пóтыкъ Ивановичь!
«Не наведи на гнѣвъ князя Владиміра,
«Прикажи обыскать калики переходяія,
«Нѣту ли промежу васъ глупаго?»
Молодой Михайло Пóтыкъ Ивановичь
Становилъ каликъ во единый кругъ,
И велѣлъ онъ другъ друга обыскивать,
Отъ малаго обыскивать до стараго,
Отъ стараго и до большаго атамана,
До себя Михайла Ивановича.
Нигдѣ-то чарочки не явилоса,
У молодаго Михайла пригодилася. ¹⁾
Принимались калики за ту заповѣдь великую:
Закопали атамана по плечи во сыру землю,
Едина во чистомъ полѣ оставили
Молода Михайла Пóтыка Ивановича;
Отдавали чарочку серебряну
Молодцу Добрынѣ Никитичу,
И съ нимъ написанъ виноватый тутъ
Молодой Михайло Пóтыкъ Ивановичь.
Добрыня онъ поѣхаль во Кіевъ градъ,
А и тѣ калики пошли въ Іерусалимъ градъ;
Молодой Михайло Пóтыкъ Ивановичь
Съ ними каликами прощается.
Ходили калики въ Іерусалимъ градъ,
Впередъ шли три мѣсяца;

1) Оказалась, нашлась.

А и будутъ въ градѣ Иерусалимѣ,
Святой Святынѣ помолилися,
Господню гробу приложилися,
Въ Ерданѣ-рѣкѣ искупалися,
Негльбною ризою утиралися,
А все-то молодцы отправили,
Служили обѣдни съ молебнами
За свое здравіе молодецкое,
По поклону положили за Михайла Пѣтыка Ивановича.
А и тутъ калики не замѣшкалися,
Пошли ко городу Кіеву
И ко ласкову князю Владиміру;
А идуть назадъ два мѣсяца,
На то мѣсто не угодили они,
Обошли маленько сторонкою
Его, молода Михайла Пѣтыка Ивановича.
Голосокъ наносить помалехоньку,
А и тутъ калики остоялися, ¹⁾
А и мѣсто стали разглядывать;
Подалися малехонько—и увидѣли
Молода Михайла Пѣтыка Ивановича.
Онъ ручкой машеть, голосомъ кричить;
Подошли калики переходя, ¹⁾
Пришли все они, поклонилися,
Поклонилися, стали здравствовать.
Подаетъ Михайло ручку правую,
А они-то къ ручкѣ приложилися,
Приложилися, съ нимъ поцѣловалися,
И все-то калики къ нему переходили.
Молодой Михайло Пѣтыкъ Ивановичъ
Выскакивалъ изъ сырой земли,
Какъ ясенъ соколъ изъ тепла гнѣзда;
А все калики дивуются,
На его на лицо молодецкое

¹⁾ Остановились.

Не могутъ глядѣть добры молодцы,
А и кудри на немъ молодецкія до самаго пояса.
И стояль Михайло не мало времени,
Стояль онъ шесть мѣсяцевъ,
А шесть мѣсяцевъ будетъ полгода.

Б) Женитьба и кончина Михайла Пѣтыка Ивановича.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя Владиміра,
Было пированье, почестный пиръ
На три братца названые,
Свято-русскіе могучіе богатыри,
А на перваго братца названого —
Свято-русскаго могучаго богатыря
На Пѣтыка Михайлу Ивановича,
На другаго братца названого —
На молода Добрыню Никитича,
На третьяго братца названого —
Что на смѣлаго Алешу Поповича.
Что возговорить тутъ Владиміръ князь:
«А и ты гой еси, Пѣтыкъ Михайло Ивановичъ!
«Сослужи мнѣ службу заочную,
«Съѣзди ты ко морю синему,
«На теплыя тихи зѣводи,
«Настрѣлай мнѣ гусей, бѣлыхъ лебедей,
«Перелетныхъ малыхъ уточекъ
«Къ моему столу княженецкому;
«До любви я молодца пожалую.»
Пѣтыкъ Михайло Ивановичъ
Не пьетъ онъ, молодець, ни пива, ни вина,
Богу помолясь, самъ и вонъ пошелъ.
А скоро-де сядилса на добра коня,
И только его и увидѣли,
Какъ молодець за ворота выѣхаль, —
Въ чистомъ полѣ лишь пыль столбомъ.

Онъ будетъ у моря синяго,
На его-то на счастки на великія
Привалила птица къ круту берегу.
Настрѣлялъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей
И перелетныхъ малыхъ уточекъ,
Хочетъ ѣхать отъ моря синяго—
Посмотрѣть на тихія заводи
И увидѣлъ бѣлую лебедушку;
И беретъ онъ тугой лукъ въ руку лѣвую,
Калену стрѣлу въ правую,
Накладываетъ на тетивочку шелковую;
Потянулъ онъ тугой лукъ за ухо,
Калену стрѣлу семи четвертей,
Заскрипѣли полосы булатныя
И завыли рога у туга лука,
А и чуть было спустить калену стрѣлу,
Провѣщится ему лебедь бѣлая,
Авдотьюшка Лиховидьевна:
«А и ты, Пѣтыкъ Михайло Ивановичъ!
«Нѣ въ кое время ¹⁾ пригожуся тебѣ.»
Выходила она на крутой бережокъ,
Обернулась душой красной дѣвицей.
А и Пѣтыкъ Михайло Ивановичъ
Воткнетъ копьё во сыру землю,
Привязалъ онъ коня за остро копьё,
Схватилъ дѣвицу за бѣлы ручки
И цѣлуетъ ее въ уста сахарныя.
Авдотьюшка Лиховидьевна
Втапоры больно его уговаривала:
«А и ты, Пѣтыкъ Михайло Ивановичъ!
«Хотя ты на мнѣ и женишься,
«И кто изъ насъ прежде умретъ,
«Второму за нимъ живому во гробъ идти.»
Втапоры Пѣтыкъ Михайло Ивановичъ

---

1) Въ нѣкое, въ нѣкоторое время, когда-нибудь.

Садился на своего добра коня,
Говорилъ таково слово:

— А и ты гой еси, Авдотья Лиховидьевна!

— Будемъ въ городѣ Кіевѣ,

— Въ соборѣ ударятъ къ вечернѣ въ колоколь;

— И ты втапору будь готовая,

— Приходи къ церкви соборныя,

— Тутъ примемъ съ тобою обрученье свое.

И скоро онъ поѣхалъ къ городу Кіеву отъ моря синяго;

Авдотьюшка Лиховидьевна

Полетѣла она бѣлой лебедушкой въ Кіевъ градъ

Ко своей сударынѣ матушкѣ,

Къ матушкѣ и къ батюшкѣ.

Пѣтыкъ Михайло Ивановичъ

Нигдѣ не мѣшкалъ, не стоялъ;

Авдотьюшка Лиховидьевна

Перво его въ свой домъ ускорить могла,

И сидитъ подъ окошкомъ косящатымъ,

Сама усмѣхается;

А Пѣтыкъ Михайло Ивановичъ

Ѣдетъ, самъ дивуется:

А нигдѣ я не мѣшкалъ, не стоялъ,

А она перво меня въ домѣ появилась.

И пріѣхалъ онъ на княженецкій дворъ,

Приворотники доложили стольникамъ,

А стольники князю Владиміру,

Что пріѣхалъ Пѣтыкъ Михайло Ивановичъ.

И велѣлъ ему князь ко крылечку ѣхать,—

Скоро Пѣтыкъ скочилъ со добра коня,

Поставилъ коня ко крылечку красному,

Походить во GRIDНЮ СВѢТЛУЮ,

Онъ молится Спасову образу,

Поклонился князю со княгинею

И на всѣ четыре стороны:

«Здравствуй ты, ласковый сударь, Владиміръ князь!

«Куда ты меня послалъ, то сослужилъ,

«Настрѣляль я гусей, бѣлыхъ лебедей,
«Перелетныхъ малыхъ уточекъ
«И самъ сговориль себѣ красну дѣвицу,
«Авдотьюшку Лиховидьевну, —
«Къ вечернѣ быть въ соборѣ
«И съ ней обрученъе принять.
«Гой еси, ласковый сударь, Владиміръ князь!
«Хотѣлъ было сдѣлать пиръ простой
«На три брата названые,
«А нынѣ для меня одного
«Доспѣй свадебный пиръ веселый,
«Для Пѣтыка Михайла Ивановича»...

А и тутъ въ соборѣ къ вечернѣ въ колоколь ударили,
Пѣтыкъ Михайло Ивановичъ къ вечернѣ пошелъ;
Съ другу сторону Авдотьюшка Лиховидьевна
Скоро втапору наряжалася и убиралася,
Убравшись къ вечернѣ пошла.

Ту вечерню отслушали,
А и Пѣтыкъ Михайло Ивановичъ
Соборнымъ попамъ поклоняется,
Чтобъ съ Авдотьюшкой обрученъе принять;
Эти попы соборные
Тому они дѣлу радощны, ¹⁾
Скоро они обрученъе сдѣлали,
Тутъ обвинчали ихъ и привели къ присягѣ такой:
Кто перво умретъ,
Второму за нимъ живому въ гробъ идти.
И походить онъ Пѣтыкъ Михайло Ивановичъ
Изъ церкви вонъ со своею молодой женой,
Съ Авдотьюшкой Лиховидьевной,
На тотъ широкій дворъ ко князю Владиміру;
Приходить во свѣтлы гридни.
И тутъ имъ князь сталъ веселъ, радощенъ,
Сажалъ ихъ за убранны столы.

---

1) Они рады свадьбѣ.

Втапоры для Пóтыка Михайла Ивановича столь пошелъ:
Повары были догадливы,
Носили яства сахарныя
И питья медвяныя,—
А и тутъ пили, ѣли, прохлаждалися,
Предъ княземъ гости похвалялися;
И не мало время замѣшкавши,
День къ вечеру вечерается,
Красное солнце закатается,
Пóтыкъ Михайло Ивановичъ
Спать въ подклѣтъ убирается;
Свели его во гридню спальную;
Всѣ тутъ гости князи и бояре разѣхалися,
Разѣхалися и пѣшкомъ разбрелися.
А у Пóтыка Михайла Ивановича
Съ молодой женой Авдотѣй Лиховидьевной
Не много житья было, полтора года,
Мудрости искала надъ мужемъ своимъ,
Надъ Пóтыкомъ Авдотья Лиховидьевна;
Была она еретница приворотница.
Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ,
Уходилъ онъ во царевъ кабакъ,
Сталъ онъ упиваться въ зелено вино.
На тую на пору на времячко
Захворала Авдотья Лиховидьевна;
Съ вечеру она расхворается,
Съ полуночи разболѣлася,
Къ утру и преставилася.
А Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ
Сидить-пѣть да прохлаждается,
Надъ собой невзгодушки не вѣдаетъ.
И приходитъ во царевъ кабакъ
Илья Муромецъ Ивановичъ;
Говорилъ Илья таковы слова:
«Михайло Пóтыкъ сынъ Ивановичъ!
«Ты пьешь зелено вино, прохлаждаешься,

«Надъ собой невзгодушки не вѣдаешь;
«А твоя-то молода жена,
«Авдотья ли Лиховидьевна,
«Съ вечера расхворалася,
«Ко полуночи разболѣлася,
«Ко утру и преставилася.»
Рано зазвонили къ заутрени,
Онъ пошелъ Пóтыкъ соборнымъ попамъ вѣсть подавать,
Что умерла у него молода жена;
Приказали ему попы соборные
Тотчасъ на санихъ привезти
Ко тоя церкви соборныя,
Поставить тѣло на паперти;
А и тутъ стали могилу копать;
Выкопали могилу глубокую и великую,
Глубиною, шириною по двадцати сажень;
Собиралися тутъ попы со дьяконами
И со все́мъ церковнымъ причетомъ,
Погребали тѣло Авдотьино.
И тутъ Пóтыкъ Михайло Ивановичъ
Съ конемъ и сбруею ратною
Опустился въ тоежъ могилу глубокую.
И заворочали потолокомъ дубовымъ,
И засыпали песками желтыми,
И надъ могилою поставили деревянный крестъ,—
Только мѣсто оставили веревкѣ одной,
Которая была привязана къ колоколу соборному.
И стоялъ онъ Пóтыкъ Михайло Ивановичъ
Въ могилѣ съ добрымъ конемъ,
Съ полудни до полуночи
И для страху, добывъ огня,
Зажигалъ свѣчи воску яраго.
И какъ пришла пора полуночная,
Собиралися къ нему все́ гады змѣйные,
А потомъ пришелъ большой змѣй,
Онъ жжетъ и палитъ пламенемъ огненнымъ;

А Пóтыкъ Михайло Ивановичъ
На то-то не робокъ былъ,
Вынималъ саблю острую,
Убиваетъ змѣя лютаго
И сѣкаетъ ему голову,
И тою головою змѣиною
Учалъ тѣло Авдотьино мазати.
Втапоры она еретница
Изъ мертвыхъ пробуждалася,
И онъ за тое веревку ударилъ въ колоколь.
И услышалъ трапезникъ,
Бѣжить тутъ къ могилѣ Авдотьиной,
Ажно тутъ веревка изъ могилы къ колоколу торгается;
И собираются тутъ православный народъ,
Всѣ тому дивуются,
А Пóтыкъ Михайло Ивановичъ
Въ могилѣ реветъ зычнымъ голосомъ.
И разрывали тое могилу нѣскоро,
Опускали лѣстницы долгиа,
Вынимали Пóтыка и съ добрымъ конемъ
И со его молодой женой.
И объявили князю Владиміру
И тѣмъ попамъ соборнымъ,
Поновили ихъ святой водой,
Приказали имъ жить по-старому.
И какъ Пóтыкъ живучи состарѣлся,
Состарѣлся и преставился,
Тогда попы церковные,
По прежнему ихъ обѣщанію,
Его Пóтыка похоронили,
А его молодую жену Авдотью Лиховидѣвну
Съ нимъ же живую зарыли во сыру землю;
И тутъ имъ стала быть память вѣчная.
То старина, то и дѣянье.

6. Богатырь Ставръ Годиновичъ и жена его Василиса
Микулишна, богатырь-женщина. ¹⁾

У ласкова князя у Владиміра
Быль хорошъ пиръ—пированьице
На всѣхъ на князей и бояръ,
На русскіихъ могучихъ богатырей.
Красно солнышко на вечери,
Всѣ молодцы пьяны-веселы,
Всѣ на пиру порасхвастались,
А только сидитъ Ставръ сынъ Годиновичъ,
Не ѣсть, не пьетъ и не хвастаетъ.
Тутъ Владиміръ князь стольно-кіевскій
Налилъ ему чару зелена вина,
Не малую стоцу—полтора ведра,
По свѣтлой по гриднѣ похаживаетъ,
Правой ручкой помахиваетъ,
Таковы слова выговариваетъ:

«Ай же ты, Ставеръ сынъ Годиновичъ!
«Ты съ богатой земли ляховецкія:
«Что же ты сидишь, самъ не хвастаешь?
Или нечѣмъ молодцу похвастати?»

Возговоритъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:

- Владиміръ, князь стольно-кіевскій!
- Еще есть у Ставра чѣмъ похвастати:
- Мои добрые молодцы не старятся,
- Мои добрые конюшки не держатся,
- Моя золота казна не тощится. ²⁾
- Да еще есть у Ставра чѣмъ похвастати:
- Есть у Ставра молода жена,

1) Мы уже знаемъ, что младшая дочь Микулы Селяниновича, *Настася*, была замужемъ за Добрыней; а старшая, *Василиса*, была жена боярина Ставра Годиновича. Обѣ были могучіе богатыри, но богатырство не мѣшало имъ быть добрыми и любящими женами.

2) Не истощается, не оскудѣваетъ,

— Молода Василиса Микулишна:
— Всѣхъ-то князей—бояръ приобманеть,
— Самого тебя Владиміра съ ума сведеть.
Возговорить тутъ мелкая чета,
Мелкая чета, князья-бояра:
«Ай же, солнышко Владиміръ князь!
«Эка у Ставра молода жена!
«Засади его въ погреба глубокіе,
«Во глубоки погреба сорока сажень,
«Пусть-ка онъ оттоль выступить!»
Взяли Ставра сына Годиновича
За его за рученьки за бѣлыя,
Засадили въ погреба глубокіе.
Провѣдала его молода жена,
Молода Василиса Микулишна,
Что ея любимый мужъ Ставръ Годиновичъ
Въ полону сидитъ въ погребѣ холодномъ.
Потупила она очи во сыру землю,
Думаетъ думушку женскую,
А удачу думаетъ молодецкую:
«Что за боемъ мнѣ не взять Ставра,—
«Могу ли я взять думушкой женскою
«И удачей молодецкою?»
И брала ножницы нѣмецкія,
И садилась на рѣшетчатъ стуль,
И постригла волосы по-мужеску,
Снарядилась прекраснымъ царевичемъ,
Молодымъ Васильемъ Микуличемъ,
Снарядилась къ князю ко Владиміру:
И сѣдлала она добра коня,
Кладала потнички на потнички,
Кладала войлочки на войлочки,
На верхъ кладала сѣделко окованное,
А застегивала двѣнадцатю подпругами,
Двѣнадцатю подпругами шелковыми,
Шелку-то было заморскаго,

Заморскаго шелку шемаханскаго;
Пряжицы-то были мѣдныя,
Мѣди были казанскія;
Шпеньчики были булатные,
Булата были иверьянскаго.
И не для ради красы молодецкія,
А для ради укрѣпы богатырскія,
Брала она свои латы кольчужныя,
И мечъ-кладенецъ, и копье мурзавецкое,
И тугой лукъ, и калены стрѣлы.
Садилась она на добра коня,
Поѣхала въ Кіевъ, къ князю ко Владиміру.
Пріѣхала къ князю ко Владиміру на широкъ дворъ,
Она копье тупымъ концемъ во сыру землю,
Шелковый поводъ на злаченый гвоздь,
У дверей не спрашиваетъ придверниковъ,
Прямо шла въ гридню столовую,
Крестъ кладеть по-писаному,
Поклонъ ведетъ по-ученому,
Бьетъ челомъ, поклоняется,
Князю Владиміру въ особину,
И возговорить Владиміръ князь:
—Здравствуй, удалый добрый молодець!
—Ты коей земли, ты коей орды,
—Коего отца, коей матери?
—Какъ тебя молодца именемъ зовутъ,
—Какъ величаютъ по отечеству?—
И возговорить она таковы слова:
«Я есть земли ляховецкія,
«Молодой царевичъ Василій Микुльевичъ,
«А пріѣхалъ къ тебѣ, князю, свататься:
«У тебя есть любимая дочь,
«Молода Забава Владиміровна;
«Ты отдай ю ¹⁾ за меня замужъ.»

¹⁾ Т.-е. ее.

—Хорошо, Василій Микульевичъ,

—Отдамъ я Забаву за тебя зѣмужъ,

—А схожу ко дочери подумати.

И приходитъ ко дочери любимыя.

Говорить Забава Владиміровна:

«Что у тебя, батюшка, на разумѣ?

«Не выдай дѣвицы за женщину!

«Я видала Василья Микульевича,—

«Не такой онъ царевичъ, не эдакой,—

«А тутъ походка чисто по-женскому,

«Рѣчь-поговоре по-женскому:

«Она по двору идетъ—будто уточка плыветъ,

«А по горенкѣ идетъ—частенько ступаетъ,

«А на лавицу садится—колѣнца жметъ;

«А и ручки бѣленьки, пальчики тоненьки,

«Гдѣ жуковины ¹⁾ были—и мѣсто знать.»

Говорить Владиміръ князь стольно-кіевскій:

—Я, дочь, жениха могу вывѣдать:

—Какъ выберу я молодцовъ-борцовъ,

—Сильныхъ могучихъ богатырей,—

—Пусть-ка женихъ съ ними поборется.

Взялъ—выбралъ онъ тридцать борцовъ,

Вывелъ ихъ на широкій дворъ,

А самъ говорилъ таковы слова:

«Ай же ты, Василій Микульевичъ!

«У тебя есть ли охота, горить ли душа

«Со моими со борцами поборотися?»

Говорить Василиса таковы слова:

—Да что, солнышко Владиміръ князь,

—Кому у меня боротися?

—У меня дружины не приведено.

—Я съ молодю по улущкѣ бѣгиваль,

—Съ ребятками шутки пошучиваль,

—И самъ иду съ борцами боротися.

¹⁾ Т.-е. кольца, перстни.

Какъ вышла Василиса на широкій дворъ,
Первому борцу изъ плеча руку выдернеть,
А другому борцу ногу выломить,
Она третьягохватила поперекъ хребта,
Ушибла его среди двора.

А плюнулъ князь да и прочь пошелъ:

«Глупая дочка Забава, неразумная!

«У ты волосы долги, умъ коротокъ:

«Называешь ты богатыря женщиною,

«Такого богатыря у насъ еще не видано!»

Говорить Забава Владиміровна:

—Что у тебя батюшка на разумѣ,—

—Отдаешь ты дѣвицу за женщину!

—Знаю я примѣты всѣ по-женскому. ¹⁾

Говорить Владиміръ стольно-кіевскій:

«И еще жениха могу повывѣдати:

«Заставлю его изъ туга лука стрѣлять

«Со своими могучими богатырями.

«Я поставлю стрѣлочку каленую

«И выберу трехъ стрѣльцовъ-удальцовъ,

«Который стрѣдилъ бы въ самую середочку

«И расколеть бы на четыре частички,

«Чтобы ни меньше, ни больше и вѣсомъ равны.»

Онъ поставилъ стрѣлочку каленую,

А самъ говорилъ таковы слова:

«Ай же ты, Василій Микульевич!

«У ты есть ли охота, горить ли душа—

«Со моими стрѣльцами потѣшиться?»

Отвѣчаетъ Василиса Микулишна:

—Да что, солнышко Владиміръ князь,

—Кому у меня тѣшиться?

—У меня дружины не приведено.

—Я съ молодю по улущкѣ побѣгиваль,

—Изъ туга лука пострѣливаль,—

¹⁾ Т.-е. женскія примѣты, примѣты женскаго пола.

—Иду самъ съ стрѣльцами тѣшиться.
Начали стрѣлять изъ тугихъ луковъ:
Первый стрѣлилъ—не дострѣлилъ,
Другой стрѣлилъ—перестрѣлилъ,
А третій стрѣлилъ—и въ черту не попалъ.
Она натянула тетиву шелковую,
Накладала стрѣлку каленую,
Стрѣлила въ самую середочку,
Расколола стрѣлку на четыре частицы,
Ни больше, ни меньше и вѣсомъ равны.
Возговорить солнышко Владиміръ князь:
«Ай же ты, Василій Микульевич!
«Теперь честнымъ пиркомъ за свадебку!»
Отвѣчаетъ Василиса Микулишна:
—А гдѣ съ нашей земли ляховецкія
—Проживаетъ Ставеръ, сынъ Гоудиновичъ?
—Онъ вѣдь ловокъ боротся врукопашную;
—Я потѣшить хочу князя Владиміра,
—Поборотся со Ставромъ Гоудиновичемъ,
—Поборовшись съ нимъ—и за свадебку.
Говоритъ солнышко Владиміръ князь:
«Не достать Ставра—разгнѣвить жениха,
«А достать Ставра—не видать Ставра.»
Доставали Ставра, сына Гоудиновича,
Приводили Ставра на широкъ дворъ
Съ Васильемъ царевичемъ боротися.
Среди двора они остановилися,
На боръбу врукопашну сходилися.
Тотъ Василій царевичъ Микульевичъ
Поборолъ Ставра сына Гоудиновича.
Она ¹⁾ сдвинула Ставра съ сырой земли,
Становила Ставра на рѣзвы ноги,
Брала его за рученьки бѣлыя,
За его за перстни за злаченые,

¹⁾ Она, т.-е. Василиса Микулишна.

Цѣловала въ уста, во сахарныя,
Называла его любимую семеюшкой,
Семеюшкой, законною державушкой,
Говорила ему таковы слова:
«Ай же ты, Ставръ сынъ Гоудиновичъ!
«Не учись-ка впередъ женой хвастаться:
«Самъ ты погибнешь и меня сгубишь!
«А какъ ты похвалялся—такъ я и сдѣлала:
«Всѣхъ то князей—бояръ приобманула,
«Самого князя Владимира съ ума свела:
«Отдавалъ онъ дѣвицу за женщину!»
Тутъ они сѣли на добрыхъ коней,
Поѣхали въ свои палаты бѣлокаменны,
Стали жить да быть, да долго здравствовать.

7. Чурило-Плѣнковичъ, богатырь-красавецъ и шеголь.

Живетъ Чурило пониже малаго Кіевца.
Дворъ у него на семи верстахъ,
Около двора желѣзный тынъ,
На всякой тычинкѣ по маковкѣ,
А есть и по жемчужинкѣ;
Среди двора свѣтлицы стоятъ,
Гридни бѣлодубовыя,
Покрыты сѣдымъ бобромъ;
Потолокъ черныхъ соболей;
Первыя у него ворота вальщатыя, ¹⁾
Другія ворота хрустальныя,
Третья ворота оловячныя.
Шея у Чурилы будто бѣлый свѣтъ,
А личико будто маковъ цвѣтъ,
Волосики—золота дуга-серебряная,
Очи—будто у ясна сокола,

¹⁾ Т.-е. рѣзныя, рѣзной работы.

Брови—будто у черна соболя.
Встаєть Чурило ранехонько,
Умываєтья Плѣнковичъ бѣлѣхонько,
Надѣваєть сапожки—зеленѣ сафьянѣ,
Пятки глѣдки, носки-плоскі,
Кругъ пяты—хоть яйцемъ прокати,
Подъ пятау—воробей проскочи.
Онѣ добро по городу погуливаєть:
Передъ нимъ несуть подсолнечникъ,
Чтобъ не запекло солнце бѣла его лица;
Подъ нимъ травка-муравка не топчетя,
Лазоревый цвѣточекъ не ломитя;
Зеленѣ кафтанѣ не тряхнетя.
Идетъ Чурила по городу Кіеву,
Всѣ люди на Чурилу любуютя:
Гдѣ дѣвушки глядятъ—заборы трещатъ,
Гдѣ молодушки глядятъ—лишь оконницы звенятъ,
А старушки глядятъ—костыли онѣ грызутъ.
Съ полуночи вѣпалъ бѣлый снѣгъ,
Выпалъ бѣлый снѣгъ во весь бѣлый свѣтъ;
По той-то порошокъ два слѣдочка лежатъ,
Малымъ-то малы, коротѣшеньки.
Стары старики собиралися,
По тѣмъ слѣдкамъ дивовалися:
«Чьи это слѣдки малѣшеньки,
«Малымъ-то малы, коротѣшеньки?
«Это молода Чурила, сына Плѣнковича.»

8. Заѣзжіе богатыри въ Кіевѣ.

А) Дюкъ Степановичъ изъ Волинца, красна Галичя.

Изъ за моря, моря синяго,
Изъ славна Волинца, красна Галичя,
Изъ тоя Корелы богатыя,
Какъ бы ясенъ соколъ вонѣ вылетываль,

Какъ бы бѣлый кречеть вонъ выпархиваль:
Выѣзжалъ удача добрый молодець,
Молодой Дюкъ, сынъ Степановичь,
По прозванью Дюкъ былъ боярскій сынъ.
А и конь подъ нимъ, какъ бы лютый звѣрь,
Лютый звѣрь—и бурь, космать;
У коня грива по лѣву сторону, до сырой земли,
Онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ;
Крѣпки доспѣхи на могучихъ плечахъ.
Не много съ Дюкомъ живота пошло:
Что панцырь на немъ чиста серебра,
А кольчуга на немъ красна золота;
А тому панцырю цѣна лежитъ три тысячи,
А кольчугѣ на немъ красна золота
Цѣна сорокъ тысячей;
А и конь подъ нимъ въ пять тысячей.
Почему коню цѣна пять тысячей?
За рѣку онъ броду не спрашиваетъ;
Котора рѣка цѣла верста пятисотная,
Онъ скачетъ съ берега на берегъ:
Потому коню цѣна пять тысячей.
Еще съ Дюкомъ не много живота пошло:
Пошелъ тугой лукъ разрывчатый,
А цѣна тому луку три тысячи;
Потому цѣна луку три тысячи:
Полосы были серебряны,
А рога красна золота,
А тетивочка была шелковая,
А бѣлаго шелку шемаханскаго.
И колчанъ пошелъ съ нимъ каленыхъ стрѣлъ,
А въ колчанѣ было за триста ¹⁾ стрѣлъ,
Всякая стрѣла по десяти рублей;
А и еще есть въ колчанѣ три стрѣлы,
А и тѣмъ стрѣламъ цѣны нѣтъ,

1) Т.-е. больше трехъ сотъ.

Цѣны не было и не свѣдомо;
Потому тѣмъ стрѣламъ цѣны не было:
Кодоты онѣ были изъ трость-древа,
Строганы тѣ стрѣлки въ Новѣгородѣ,
Клеены онѣ клеємъ осетра рыбы,
Перены онѣ перьяцемъ сиза орла,
А сиза орла, орла орловича,
А того орла, птицы камскія,
Не тоя-то Камы, коя въ Волгу пала,
А тоя-то Камы—за синимъ моремъ,
Своимъ устьемъ впала въ сине море;
А леталь орелъ надъ синимъ моремъ,
А рониль онъ перьяца во сине море;
А бѣжали гости корабельщики,
Собирали перье на синемъ морѣ,
Вывозили перья на святую Русь,
Продавали душамъ краснымъ дѣвцамъ;
Покупала Дюкова матушка
Перо во сто рублевъ, во тысячу.
Почему стрѣлы дороги?
Потому онѣ дороги,
Что въ ухахъ поставлено по тирону,
По каменю по дорогу, самоцвѣтному;
А и еще у тѣхъ стрѣлокъ
Подлѣ ушей перевивано
Аравитскимъ золотомъ;
Ѣздитъ Дюкъ подлѣ сина моря
И стрѣляетъ гусей, бѣлыхъ лебедей,
Перелетныхъ, сѣрыхъ малыхъ уточекъ;
Онъ днемъ стрѣляетъ,
Въ ночи тѣ стрѣлки собираетъ;
Какъ днемъ-то стрѣлочекъ не видѣти,
А въ ночи тѣ стрѣлки, что свѣчи горять,
Свѣчи теплятся воску яраго:
Потому онѣ стрѣлки дороги.
Настрѣлялъ онъ Дюкъ гусей, бѣлыхъ лебедей,

Перелетныхъ сѣрыхъ малыхъ уточекъ,
Поѣхалъ ко городу Кіеву,
Ко ласкову князю Владиміру.
Онъ будетъ въ городѣ Кіевѣ,
Что у ласковаго князя Владиміра,
Среди двора княженецкаго,
А сскочилъ онъ съ добра коня,
Привязалъ коня къ дубовому столбу,
Къ кольцу булатному,
Походить во гридню во свѣтлую,
Ко великому князю Владиміру.
Онъ молился Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею
И на всё четыре стороны.
Тутъ сидятъ князи-бояра;
Скочили всё на рѣзвы ноги,
А глядятъ на молодца, дивуются;
И Владиміръ князь стольный кіевскій
Приказалъ наливать чару зелена вина въ полтора ведра,
Подавали Дюку Степановичу.
Принимаетъ онъ, не чванится,
А принялъ чару единой рукой,
А выпилъ чару единымъ духомъ;
А Владиміръ князь стольно-кіевскій
Посадилъ его за столъ хлѣба кушати;
А повара были догадливые,
Носили яства сахарныя
И носили питья медвяныя,
И клали калачики крупитчаты
Передъ того Дюка Степановича.
А сидитъ Дюкъ за единымъ столомъ
Со тѣми князи и бояры,
Откушалъ калачики крупитчаты;
Онъ верхнюю корочку отламываетъ,
А нижнюю корочку прочь откладываетъ.
Молодой Чурило сынъ Плѣнковичъ

Оговорилъ онъ Дюка Степановича:

«Что ты, Дюкъ, чѣмъ чванишься?»

«Верхнюю корочку отламываешь,

«А нижнюю прочь откладываешь?»

Говорилъ Дюкъ Степановичъ:

— Ой ты гой еси, Владиміръ князь!

— Въ томъ ты на меня не прогнѣвайся:

— Печки у тебя биты-глиняны,

— А подики кирпичныя,

— А помелечко мочальное

— Въ лохань обмакивають.

— А у меня, Дюка Степановича,

— А у моей сударыни матушки,

— Печи были муравлены,

— А подики мѣдныя,

— Помелечко шелковое

— Въ сыту медвяную обмакивають;

— Калачикъ съѣшь—больше хочется.»

Втапору князю Владиміру

Захотѣлось къ Дюку ѣхати,

Зоветь съ собой князей бояръ,

И взялъ Чурила Плѣнковича.

И пріѣхали они на пашню къ нему,

Къ тѣмъ крестьянскимъ дворамъ.

А у Дюка Степановича стряпчій былъ,

Припасъ про князя почестный столъ.

И садился ласковый Владиміръ князь

Со своими со князи-бояры

За тѣ столы бѣлодубовыя;

И въ тѣ поры повара были догадливы,

Носили яства сахарныя

И питья медвяныя.

И будетъ день въ половину дня,

И будетъ столъ во полу-столъ,

Владиміръ князь досыта наѣдается,

Полпьяна напивается.

Говорить онъ тутъ Дюку Степановичу:
«Каково про тебя сказывали,
«Таковъ ты есть.»
Покушавши ласковый Владиміръ князь
Велѣлъ домъ его переписывать,
И былъ въ томъ дому сутки четверо.
А и домъ Дюка Степановича переписывали,
Бумаги не стало. То отгеля ¹⁾ Дюкъ Степановичъ
Повелъ князя Владиміра
Со всеми гостями и со всеми людьми
Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Честной вдовѣ многоразумныя.
И будутъ они въ высокихъ теремахъ,
И ужасается Владиміръ князь,
Что въ теремахъ хорошо изукрашено.
А втапоры честна вдова, Дюкова матушка,
Обѣдъ чинила про князя Владиміра
И про всехъ гостей, про всехъ людей;
И садился Владиміръ князь
За столы убранные, за яства сахарныя,
Со всеми гостями, со всеми людьми.
Втапоры повора были догадливы,
Носили яства сахарныя, питья медвяныя.
И будетъ день въ половицу дня,
Будетъ столъ во полу-столѣ.
Говорить онъ ласковый Владиміръ князь:
«Исполать тебѣ, честна вдова многоразумная,
«Со своимъ сыномъ Дюкомъ Степановичемъ!
«Употчивала меня со всеми гостями, со всеми людьми;
«Хотѣлъ бы вашъ и этотъ домъ описывать,
«Да отложилъ все печали ²⁾ на радости.»
И втапоры честна вдова многоразумная
Дарила князя Владиміра

¹⁾ Оттуда.

²⁾ Т.-е. заботы, хлопоты.

Своими честными подарками:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ сороковъ бурнастыхъ ¹⁾ лисиць,
Еще сверхъ того каменни самоцвѣтными.
Говорилъ Владиміръ стольно-кіевскій:
«Ай же ты, молодой Дюкъ Степановичъ!
«За твою за великую похвальбу
«Ты торгуй въ нашемъ во градъ во Кіевъ,
«Во Кіевъ градъ вѣкъ безъ пошлины».
То старина, то и дѣянье:
Синему морю на утѣшенье,
Быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
А добрымъ людямъ на послушанье,
Веселымъ молодцамъ на потѣшенье.

В) Соловей Будиміровичъ изъ-за моря синяго, изъ города Леденца.

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота—глубота океанъ море;
Широко раздолье по всей землѣ;
Глубоки омуты Днѣпровскіе!
Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ лукоморья зеленаго,
Изъ славнаго города Леденца,
Отъ того-де царя вѣдь заморскаго
Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей и единъ корабль
Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья, сына Будиміровича.
Хорошо корабли изукрашены;
Одинъ корабль поллучше всѣхъ:
У того было Сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу каменью, по яхонту;

1) Чернобурыхъ.

Вмѣсто бровей было прибавано
По черному соболу якутскому,
По якутскому, вѣдь сибирскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два острые ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копыя мурзавецкія,
И два горностая повѣшены,
И два горностая, два зимніе;
У того было Сокола у корабля
Вмѣсто гривы прибавано
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено,
На томъ было Соколѣ кораблѣ,
Два медвѣдя были заморскіе;
Носъ, корма—по-туриному,
Бока взведены по-звѣриному.
Бѣгутъ ко городу Кіеву,
Къ ласкову князю Владиміру.
На томъ Соколѣ кораблѣ
Сдѣланъ муравленъ чердакъ, ¹⁾
Въ чердакѣ была бесѣда—дорогъ рыбій зубъ,
Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ;
На бесѣдѣ-то сидѣль купавъ ²⁾ молодець,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ;
Говорилъ Соловей таково слово:
«Гой еси вы, гости корабельщики
«И всѣ цѣловальники любимые!
«Какъ буду въ городѣ Кіевѣ,
«У ласкова князя Владиміра,
«Чѣмъ мнѣ-ко будетъ князя дарить,
«Чѣмъ свѣта жаловати?»
Отвѣчаютъ гости корабельщики

1) Расписной, пестрый, подобный муравѣ

2) *Купавъ*—красавецъ.

И всё цѣловальники любимые:
— Ты славный, богатый гость,
— Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ!
— Есть, сударь, у тебя золота казна,
— Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
— Вторые сорокъ бурнастыхъ лисиць,
— Есть, сударь, дорога камка,
— Что недорога камочка—узоръ хитерь:
— Хитрости были Царя-града,
— А и мудрости Иерусалима,
— Замыслы Соловья Будиміровича;
— На златѣ, на серебрѣ—не погнѣваться.
Прибѣжали корабли подѣ славный Кіевъ градъ,
Якори метали въ Днѣпръ рѣку,
Сходни бросали на круть бережокъ,
Товарную пошлину въ таможи платили
Со всѣхъ кораблей семь тысячей,
Со всѣхъ кораблей, со всего живота.
Бралъ Соловей свою золоту казну,
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисиць.
Пошелъ онъ ко ласкову князю Владиміру,
Идетъ во гридню, во свѣтлую;
Какъ бы на пятау двери отворялися,—¹⁾
Идетъ въ гридню купавъ молодець,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ,
Спасову образу молится,
Владиміру князю кланяется,
Княгинѣ Апраксѣвнѣ на особицу,
И подносить князю свои дороги подарочки:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисиць;
Княгинѣ поднесъ камку бѣло-хрущатую,
Недорога камочка—узоръ хитерь:

1) Отворялися настезь.

Хитрости Царя-града,
Мудрости Иерусалима,
Замыслы Соловья, сына Будиміровича;
На златѣ и серебрѣ—не погнѣваться.
Князю дары полюбилися,
А княгинѣ наипаче того;
Говорилъ ласковый Владиміръ князь:
«Гой еси ты, богатый гость,
«Соловей, сынъ Будиміровичъ!
«Заимуй двory княженецкіе,
«Заимуй ты боярскіе,
«Заимуй двory и дворянскіе».

Отвѣчаетъ Соловей, сынъ Будиміровичъ:

— Не надо мнѣ двory княженецкіе,
— И не надо двory боярскіе,
— И не надо двory дворянскіе;
— Только ты дай мнѣ загонъ земли,
— Непаханья и неоранья,
— У своей, осударь, княженецкой племянницы,
— У Молодой Запавы Путятишны,
— Въ ея, осударь, зеленомъ саду,
— Въ вишенѣ, въ орѣшенѣ,
— Построить мнѣ Соловью снаряженъ дворъ.

Говорилъ сударь, ласковый Владиміръ князь:
«На то тебѣ съ княгиною подумаю».

А подумавши, отдавалъ Соловью загонъ земли,
Непаханья и неоранья.

Походилъ Соловей на свой червленъ ¹⁾ корабль,

Говорилъ Соловей, сынъ Будиміровичъ:

— Гой еси вы, мои люди работные!
— Берите вы топорики булатные,
— Подите къ Запавѣ въ зеленый садъ,
— Постройте мнѣ снаряженъ дворъ,

---

¹⁾ Червленый — красный, багряный, пурпуровый. Черлень, черлень— красноватая охра, которою красятъ заборы и крыши.

— Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ,
Съ вечера, познимъ поздно,
Будто дятлы въ дерево пощелкивали,
Работала его дружина хоробрая;
Ко полуночи и дворъ поспѣлъ:
Три терема златоверховаты,
Да трои сѣни косящатыя;
Да трои сѣни рѣшетчатыя.
Хорошо въ теремахъ изукрашено:
На небѣ солнце,—въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ,—въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды,—въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря,— въ теремѣ заря
И вся красота поднебесная.
Рано зазвонили къ заутрени,
Ото сна-то Завава пробуждалася,
Посмотрѣла сама въ окошечко косящатое,
Въ вишенье, въ орѣшенье,
Въ свой, вѣдь, хорошій, во зеленый садъ;
Чудо Зававѣ показалось
Въ ея хорошемъ, зеленомъ саду,
Что стоятъ три терема златоверховаты.
Говорила Завава Путятишна:
«Гой еси, нянюшки и мамушки,
«Красныя сѣнныя дѣвушки!
«Подте-ка, посмотрите-ка,
«Что мнѣ за чудо показалось
«Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ?»
Отвѣчаютъ нянюшки, мамушки
И сѣнныя красныя дѣвушки:
— Матушка, Завава Путятишна!
— Изволь-ко сама посмотрѣть:
— Счастье твое на дворъ къ тебѣ пришло.
Скоро-де Завава наряжается,
Надѣвала шубу соболиную,—
Цѣна-то шубѣ три тысячи,

А пуговики въ семь тысячей,—
Пошла она въ вишенье, въ орѣшенье,
Во свой во хорошъ во зеленый садъ;
У перваго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ шелчить, молчить ¹⁾—
Лежить Соловьева золота казна.
Во второмъ теремѣ послушала:
Тутъ въ теремѣ потихоньку говорятъ,
Помаленьку говорятъ, все молитву творять,—
Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны, многоразумными.
У третьяго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.
Входила Завава въ сѣни косячатая,
Отворяла двери на пята,—
Больно Завава испугалася,
Рѣзвы ноги подломилися,
Чудо въ теремѣ показалося:
На небѣ солнце,—въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяць,—въ теремѣ мѣсяць;
На небѣ звѣзды,—въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря,—въ теремѣ заря
И вся красота поднебесная.
Втапоры Соловей, онъ догадливъ былъ,—
Бросилъ свои звончаты гусли, ²⁾
Подхватывалъ дѣвицу за бѣлы ручки:
Чего-де ты, Завава, испугалася?
«Мы-де оба на возрастѣ».
— А и я-де дѣвица на выданѣ,
— Пришла-де сама за тебя свататься.
Тутъ они и помолвили:
Цѣловалися они, миловалися,

1) Все тихо, молчить, только золото пересыпается—шелкаетъ, *шелчитъ*.

2) Потому онъ и *Соловей*, что плѣняетъ всѣхъ своими пѣснями; потому и *Будимировичъ*, что будить мѣръ своими гуслими.

Золотыми перстнями помѣнялися.
Тутъ-то Владиміръ князь стольно-кіевскій
Просваталъ ю, красную дѣвушку,
Свою-то любимую племянницу,
И шли они въ церковь Божію,
Принимали они златы вѣнцы.
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ
Скоро онъ собирался на корабли
Съ своими припасами великими,
Со своими теремами златоверхими;
Садился онъ на Соколъ корабль,
Садилась съ нимъ и молода жена.
Отправился онъ назадъ въ свою сторону,
Уѣхаль-уѣзжалъ онъ добрый молодець;
Сталь тамъ жить да быть, семью сводить,
Семью сводить, дѣтей наживать.

III.

5
X
Съ какихъ поръ перевелись витязи
на святой Руси.

Выгъзжали на Сафать-рѣку
На закатѣ краснаго солнышка
Семь удалыхъ русскихъ витязей,
Семь могучихъ братьевъ названныхъ.
Передъ ними раскинулось поле чистое,
А на этомъ на полѣ старый дубъ стоитъ,
Старый дубъ стоитъ кряковистый. ¹⁾
У того ли дуба три дороги сходятся:
Ужъ какъ первая дорога ко Нову-городу;
А вторая-то дорога къ стольному Киеву;
А что третья дорога ко синю морю,
Ко синю морю далекому,—
Та дорога прямоѣзжая,
Прямоѣзжая дорога, прямопутная,
Залегла та дорога ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Становились витязи на распутіи,
Разбивали бѣль-полотнянъ шатерьъ,
Отпускали коней гулять по чисту полю:
Ходятъ кони по шелковой травѣ-муравѣ,
Зеленую травку пощипываютъ,
Золотой уздечкой побрякиваютъ;

¹⁾ *Кряковистый*—суковатый, съ корявымъ пнемъ.

А въ шатрѣ полотняномъ витязи,
Названные братья опочивъ держать.
Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Добрыня молодець раньше всѣхъ,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ.
Помолился чудну образу;
Видитъ Добрыня за Сафать-рѣкой
Бѣль-полотнянъ шатерь:
Въ томъ ли шатрѣ залегъ татарченкокъ,
Злой татаринъ, басурманченкокъ,
Не пропускаетъ онъ ни коннаго, ни пѣшаго,
Ни ѣзжалаго добраго молодца.
Сѣдлалъ Добрыня своего борзаго коня;
Клалъ на него онъ потнички,
А на потнички коврички,
Клалъ сѣдельце черкасское,
Бралъ копейце мурзавецкое,
Бралъ кинжалище булатное
И садился на добра коня;
Подъ Добрыней конь осержается,
Отъ сырой земли отдѣляется,
Выходы мечеть по мѣрной верстѣ,
Высоки мечеть по сѣнной копнѣ.
Подѣзжаетъ Добрыня ко бѣлу шатру
И кричитъ зычнымъ голосомъ:
«Выходи-ка, татарченкокъ,
«Злой татаринъ, басурманченкокъ!
«Станемъ мы съ тобой честный бой держать».
Втапоры выходитъ татаринъ изъ бѣла шатра
И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ поле слеталися,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися:
Слеталися, сходилися два удалые витязя.
Ломалися копья ихъ острия,
Раздеталися мечи ихъ булатные;

Сходили витязи съ добрыхъ коней
И хватались въ рукопашный бой;
Правая ножка Добрыни ускользнула,
Правая ручка Добрыни удрогнула,
И валился онъ на сыру землю;
Скакаль ему татаринъ на бѣлы груди,
Пороль ему бѣлы груди,
Вынималь сердце съ печенюю.

Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
Вставаль Алеша Поповичъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафать-рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу;
Видитъ онъ коня Добрынина:
Стоитъ борзый конь осѣдланый и взнузданный,
Стоитъ борзый конь, только нѣвеселъ,
Потупилъ очи во сыру землю,—
Знать тоскуетъ онъ по хозяинѣ,
Что по томъ ли Добрынѣ молодцѣ.
Садился Алеша на добра коня;
Осержался подъ нимъ добрый конь,
Отдѣлялся отъ сырой земли,
Металь выходы по мѣрной верстѣ,
Металь высококи по сѣнной копнѣ.
Что не бѣль во поляхъ забѣлѣлася:
Забѣлѣлася ставка богатырская;
Что не синь во поляхъ засинѣлася:
Засинѣлись мечи булатные;
Что не красъ во поляхъ покраснѣлася:
Закраснѣлася кровь съ печенюю.
Подъѣзжаетъ Алеша ко бѣлу шатру,—
У того ли шатра спитъ Добрыня молодецъ,
Очи ясныя закатилися,
Руки сильныя опустилися,

На бѣлыхъ грудяхъ запеклась кровь.
И кричитъ Алеша зычнымъ голосомъ:
«Вылѣзай-ка ты, татаринъ злой,
«На честнѣй бой, на побраночку!»¹⁾
Отвѣчаетъ ему татарченкокъ:
— Охъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
— Ваши роды не уклончивы,²⁾
— Не уклончивы ваши роды, не устойчивы:
— Что не стать тебѣ со мной бой держать!
Возговорить на то Алеша Поповичъ младъ:
«Не хвались на пиръ идучи,
«А хвались съ пиру идучи!»
Втапору выходитъ татаринъ изъ бѣла шатра
И садится на добра коня.
Не два вѣтра въ полѣ слетались,
Не двѣ тучи въ небѣ сходилися:
Сходилися-слетались два удалые витязя;
Ломались копья ихъ острия,
Разлетались мечи ихъ булатные;
И сходили они съ добрыхъ коней,
И хватались въ рукопашный бой.
Одолѣлъ Алеша татарина:
Валилъ его на сыру землю,
Скакалъ ему на бѣлы груди,
Хотѣлъ ему пороть бѣлы груди,
Вынимать сердце съ печенью.
Отколь тутъ не взялся черный вранъ,
И вѣщаетъ онъ человѣческимъ голосомъ:
«Охъ ты гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
«Ты послушай меня, чернаго ворона:
«Не пори ты татарину бѣлыхъ грудей;
«А летаю я за сине море,
«Принесу тебѣ мертвой и живой воды;

1) На короткѣй бой, на сшибку.

2) Т.-е. богатыри вашего разбора, подобные тебѣ, не ловки и не стойки.

«Вспрыснешь Добрыню живой водой, —
«Тутъ и очнется добрый молодець».
Втапору Алеша ворона послушался,
И леталь вранъ на сине море,
Приносилъ мертвой и живой воды;
Вспрыскивалъ Алеша Добрыню мертвой водой:
Сросталося тѣло его бѣлое,
Затягивалися раны кровавыя;
Вспрыскивалъ его живой водой:
Пробуждался молодець отъ смертнаго сна.
Отпускали они татарина.

Было такъ на восходѣ краснаго солнышка,
Вставалъ Илья Муромецъ раньше всѣхъ,
Выходилъ онъ на Сафать-рѣку,
Умывался студеной водой,
Утирался тонкимъ полотномъ,
Помолился чудну образу;
Видитъ онъ — черезъ Сафать-рѣку
Переправляется сила басурманская,
И той силы доброму молодцу не объѣхати,
Сѣрому волку не обрыскати,
Черному ворону не облетѣти.
И кричитъ Илья зычнымъ голосомъ:
«Ой ужъ гдѣ вы, могучіе витязи,
«Удалые братья названные!»
Какъ сбѣгалися на зовъ его витязи,
Какъ сажалися на добрыхъ коней,
Какъ бросалися на силу басурманскую:
Стали силу колоть-рубить.
Не столько витязи рубять,
Сколько добрые кони ихъ топчуть;
Бились три часа и три минуточки:
Изрубили силу поганую.
И стали витязи похвалятися:
«Не намахалися наши могутныя плечи,

«Не уходились наши добрые кони,
«Не притупились мечи наши булатные!»
И говорить Алеша Поповичъ младъ:
«Подавай намъ силу *нездѣшную*,—
«Мы и съ тою силою, витязи, справимся!»
Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
Такъ и явились двое воителей,
И крикнули они громкимъ голосомъ:
— А давайте съ нами, витязи, бой держать!
— Не глядите, что насъ двое, а васъ семеро.—
Не узнали витязи воителей;
Разгорѣлся Алеша Поповичъ на ихъ слова,
Поднялъ онъ коня борзаго,
Налетѣлъ на воителей,
И разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало четверо—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Добрыня молодець,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало восьмеро—и живы всѣ.
Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ,
Разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча:
Стало вдвое болѣе—и живы всѣ.
Бросились на силу всѣ витязи,
Стали они силу колоть-рубить:
А сила все растеть да растеть,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Не столько витязи рубяць,
Сколько добрые кони ихъ топчуть:
А сила все растеть да растеть,
Все на витязей съ боемъ идетъ.
Бились витязи три дня,
Бились три часа, три минуточки,
Намахалися ихъ плечи могутныя,
Уходились кони ихъ добрые,
Притупились мечи ихъ булатные:
А сила все растеть да растеть,

Все на витязей съ боемъ идетъ.
Испугались могучіе витязи,
Побѣжали въ каменные горы,
Въ темныя пещеры:
Какъ подбѣжить витязь къ горѣ,
Такъ и окаменѣеть;
Какъ подбѣжить другой,
Такъ и окаменѣеть;
Какъ подбѣжить третій,
Такъ и окаменѣеть.
Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на Святой Руси.

IV.

Богатыри новгородскіе.

1. Садко купецъ, богатый гость.

А) Откуда у Садко-гуслияра взялось богатство.

Во славномъ во Новѣ-градѣ
Какъ былъ Садко купецъ, богатый гость.
А прежде у Садка имущества не было:
Одни были гусли яровчаты; ¹⁾
По играмъ ходиль-играль Садко.
Садка день не зовутъ на почестень пирь,
Другой не зовутъ на почестень пирь
И третій не зовутъ на почестень пирь;
Потомъ Садко соскучился:
Какъ пошелъ Садко къ Ильмень озеру,
Садился на бѣль-горючъ камень
И началъ играть въ гусельки яровчаты;
Какъ тутъ-то въ озерѣ вода веколыбалася,
Тутъ-то Садко перѣпался, ²⁾
Пошелъ прочь отъ озера во свой во Новгородъ.
Садка день не зовутъ на почестень пирь,
Другой не зовутъ на почестень пирь
И третій не зовутъ на почестень пирь.

¹⁾ *Яровчаты*—*яворчаты*, изъ дерева *явора*. Яворъ, чинаръ, платанъ,—красное дерево, съ гладкою корою, постоянно отпадающею, съ большими листьями.

²⁾ Испугался.

Потомъ Садко соскучился.

Какъ пошелъ Садко къ Ильмень озеру,

Садился на бѣль-горючъ камень

И началъ играть въ гусельки яровчаты.

Какъ тутъ-то въ озерѣ вода веколыбалася,

Показался царь морской,

Вышелъ со Ильменя со озера,

Самъ говорить таковы слова:

«Ай же ты, Садко новгородскій!

«Не знаю, чѣмъ буде тебя пожаловать

«За твои за утѣхи за великія,

«За твою-то игру нѣжную:

«Аль безсчетной золотой казной?

«А не то, ступай во Новгородъ

«И ударь о великъ закладъ,

«Заложилъ свою буйну голову

«И выряжай съ прочихъ купцовъ

«Лавки товара краснаго,

«И спорь, что въ Ильменѣ озерѣ

«Есть рыба—золоты перья.

«Какъ ударишь о великъ закладъ,

«И поди—свяжи шелковый неводъ,

«И прѣзжай ловить въ Ильмень озеро:

«Дамъ три рыбины—золоты перья.

«Тогда ты, Садко, счастливъ будешь».

Пошелъ Садко отъ Ильменя отъ озера,

Какъ приходилъ Садко во свой во Новгородъ:

Позвали Садко на почестень пирь.

Какъ тутъ Садко новгородскій

Сталъ играть въ гусельки яровчаты;

Какъ тутъ стали Садко напаивать,

Стали Садку поднаивать,

Какъ тутъ-то Садко сталъ похвастывать:

«Ай же вы, купцы новгородскіе!

«Какъ знаю чудо чудное въ Ильмень озерѣ:

«А есть рыба—золоты перья въ Ильмень озерѣ».

Безъ счета давалъ золотой казны
И посылалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шель въ гостинный рядъ,
Какъ повыкупилъ товары новгородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
На другой день вставалъ Садко ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны
И посылалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шель въ гостинный рядъ:
Вдвойнѣ товаровъ привезено,
Вдвойнѣ товаровъ принаполнено
На тую на славу на великую новгородскую.
Опять выкупалъ товары новгородскіе,
Худые товары и добрые
На свою безсчетну золоту казну.
На третій день вставалъ Садко ранымъ рано,
Будилъ свою дружину хоробрую,
Безъ счета давалъ золотой казны
И посылалъ дружину по улицамъ торговымъ,
А самъ-то прямо шель въ гостинный рядъ:
Втройнѣ товаровъ привезено,
Втройнѣ товаровъ принаполнено,
Подоспѣли товары московскіе
На ту на великую на славу новгородскую.
Какъ тутъ Садко пораздумался:
«Не выкупить товара со всего бѣла свѣта:
«Еще повыкуплю товары московскіе,
«Подоспѣютъ товары заморекіе,
«Не я, видно, купецъ богатъ новгородскій—
«Побогаче меня славный Новгородъ».
Отдавалъ онъ настоятелямъ новгородскимъ
Денежекъ онъ тридцать тысячей.

В) Садко у царя морского.

На свою безсчетну золоту казну
Построилъ Садко тридцать кораблей,
Тридцать кораблей червленыхъ;
На тѣ корабли на червленые
Свалилъ онъ товары новгородскіе,
Поѣхалъ Садко по Волхову,
Со Волхова во Ладожско,
А со Ладожска во Неву рѣку,
А со Невы рѣки во сине море.
Какъ поѣхалъ онъ по синю морю,
Воротилъ онъ въ Золоту орду,
Продавалъ товары новгородскіе,
Получалъ барыши великіе,
Насыпалъ бочки сороковки красна золота, чиста серебра,
Поѣзжалъ назадъ во Новгородъ,
Поѣзжалъ онъ по синю морю.
На синемъ морѣ сходилась погода сильная,
Застоялись червлены корабли на синемъ морѣ:
А волной-то бьетъ, паруса рветъ,
Ломаютъ кораблики червленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость,
Ко своей дружинѣ ко хороброй:
«Ай же ты, дружинушка хоробрая!
«Какъ мы вѣкъ по морю ѣздили,
«А морскому царю дани не плачивали:
«Видно, царь морской отъ насъ дани требуетъ,
«Требуетъ дани во сине море.
«Ай же братцы, дружина хоробрая!
«Взимайте бочку сороковку чиста серебра,
«Спускайте бочку во сине море».
Дружина его хоробрая
Взимала бочку чиста серебра,
Спускали бочку во сине море;

А волной-то бьеть, паруса рветь,
Ломаеть кораблики червленые;
А корабли нейдутъ съ мѣста на синемъ морѣ.
Тутъ его дружина хоробрая
Брала бочку сороковку красна золота,
Спускали бочку во сине море;
А волной-то бьеть, паруса рветь,
Ломаеть кораблики червленые;
А кораблики все нейдутъ съ мѣста во синемъ морѣ.
Говорить Садко купецъ, богатый гость:
«Видно, царь морской требуетъ
«Живой головы во сине море.
«Дѣлайте, братцы, жеребья вольжаны, ¹⁾
«Я самъ сдѣлаю на красномъ на золотѣ,
«Всякъ свои имена подписывайте,
«Спускайте жеребья на сине море:
«Чей жеребій ко дну пойдетъ,
«Таковому идти во сине море».
Дѣлали жеребья вольжаны,
А самъ Садко дѣлалъ на красномъ золотѣ,
Всякъ свое имя подписывалъ,
Спускали жеребья на сине море:
Какъ у всей дружины хороброя
Жеребья гоголемъ по водѣ плывуть,
А у Садка купца—ключемъ на дно.
Говорить Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
«Эти ли жеребья не правильны:
«Дѣлайте жеребья на красномъ на золотѣ,
«А я сдѣлаю жеребій вольжаный».
Дѣлали жеребья на красномъ золотѣ,
А самъ Садко дѣлалъ жеребій вольжаный,
Всякъ свое имя подписывалъ,
Спускали жеребья на сине море:

¹⁾ Изъ дерева *тавоми*.

Какъ у всей дружины хоробрѣя
Жеребья гоголемъ по водѣ плывутъ,
А у Садка купца — ключемъ на дно.
Говоритъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
«Видно царь морской требуетъ
«Самого Садка богатаго въ сине море.
«Несите мою чернилицу вальяхную, ¹⁾
«Перо лебединое, листъ бумаги гербовый».
Несли ему чернилицу вальяхную,
Перо лебединое, листъ бумаги гербовый.
Онъ сталъ имѣннице отписывать:
Кое имѣнье отписывалъ Божимъ церквямъ,
Иное имѣнье нищей братіи,
Иное имѣнье молодой женѣ,
Остатнее имѣнье дружинѣ хороброей.
Говорилъ Садко купецъ, богатый гость:
«Ай же, братцы, дружина хоробрая!
«Давайте мнѣ гусельки яровчаты,
«Поиграть-то мнѣ въ остатнее: ²⁾
«Больше мнѣ въ гусельки не игрывати.
«Али взять мнѣ гусли съ собой въ сине море?»
Взимаетъ онъ гусельки яровчаты,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Свалите дощечку дубовую на воду:
«Хоть я свалюсь на доску дубовую,
«Не толь мнѣ страшно принять смерть на синемъ морѣ».
Свалили дощечку дубовую на воду,
Потомъ поѣзжали корабли по синю морю,
Полетѣли какъ черныя вороны.
Остался Садко на синемъ морѣ.
Со тоя со страсти со великія
Заснулъ на дощечкѣ на дубовой,

¹⁾ Красивую, а также крѣпкую, прочную, массивную

²⁾ Т.-е. въ послѣдній разъ.

Проснулся Садко во синемъ морѣ,
Во синемъ морѣ на самомъ днѣ.
Сквозь воду увидѣлъ пекучися красное солнышко,
Вечернюю зорю, зорю утреннюю.
Увидѣлъ Садко: во синемъ морѣ
Стоить палата бѣлокаменная,
Заходитъ Садко въ палату бѣлокаменную:
Сидить въ палатѣ царь морской,
Голова у царя какъ куча сѣнная.
Говорить царь такovy слова:
— Ай же ты, Садко-купецъ, богатый гость!
— Въѣкъ ты, Садко, по морю ѣзживаль,
— Мнѣ царю дани не плачиваль,
— А нонь весь пришелъ ко мнѣ во подарочкахъ.
— Скажутъ, мастеръ играть въ гусельки яровчаты:
— Поиграй же мнѣ въ гусельки яровчаты.
Какъ началъ играть Садко въ гусельки яровчаты,
Какъ началъ плясать царь морской во синемъ морѣ,
Какъ расплясался царь морской.
Играль Садко сутки, играль и другія,
Да играль еще Садко и третія,
А все пляшетъ царь морской во синемъ морѣ.
Во синемъ морѣ вода всколыбалася,
Со желтымъ пескомъ вода смутилася,
Стало разбивать много кораблей во синемъ морѣ,
Стало много гинуть имѣньицевъ;
Стало много тонуть людей праведныхъ:
Какъ сталъ народъ молиться Николѣ-Можайскому,
Какъ тронуло Садко въ плечо во правое:
— Ай же ты, Садко Новгородскій!
— Полно играть въ гусельшки яровчаты!
Обернулся—глядить Садко Новгородскій:
Ажно стоять старикъ сѣдатый.
Говориль Садко Новгородскій:
«У меня воля не своя во синемъ морѣ,
«Приказано играть въ гусельки яровчаты».

Говорить старикъ таковы слова:

— А ты струночки повырывай,

— А ты шпенечки повыломай.

— Скажи: «у меня струночекъ не случилось,

— «А шпенечковъ не пригодилоя,

— «Не во что больше играть:

— «Приломалися гусельки яровчаты».

— Скажетъ тебѣ царь морской:

— «Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ

— «На душечкѣ на красной дѣвушкѣ?»

— Говори ему таковы слова:

— «У меня воля не своя во синемъ морѣ».

— Опять скажетъ царь морскою:

— «Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,

— «Выбирай себѣ дѣвицу красавицу».

— Какъ станешь выбирать дѣвицу красавицу,

— Такъ перво триста дѣвиць пропусти,

— И друго триста дѣвиць пропусти,

— И третье триста дѣвиць пропусти:

— Позади идетъ дѣвица красавица,

— Красавица дѣвица Чернавушка, —

— Бери тую Чернаву за себя замужъ.

— Сотворишь все, какъ сказано,

— Будешь, Садко, во Новѣ-градѣ;

— А какъ будешь, Садко, во Новѣ-градѣ,

— На свою безсчетну золоту казну

— Построй церковь соборную Николѣ-Можайскому.

Садко струночки во гуселькахъ повыдернулъ,

Шпенечки во яровчатыхъ повыломалъ.

Говорить ему царь морской:

— Ай же ты, Садко Новгородский!

— Что же не играешь въ гусельки яровчаты?

«У меня струночки во гуселькахъ выдернулись,

«А шпенечки во яровчатыхъ повыломалися:

«А струночекъ запасныхъ не случилось,

«А шпенечковъ не пригодилоя».

Говорить царь таковы слова:

— Не хочешь ли жениться во синемъ морѣ

— На душечкѣ на красной дѣвушкѣ?

Говорить ему Садко Новгородский:

«У меня воля не своя во синемъ морѣ».

Опять говорить царь морской:

— Ну, Садко, вставай поутру ранешенько,

— Выбирай себѣ дѣвицу красавицу.

Встала Садко поутру ранешенько,

Поглядитъ, идетъ триста дѣвушекъ красныхъ:

Онъ перво триста дѣвицъ пропустилъ,

И друго триста дѣвицъ пропустилъ,

И третье триста дѣвицъ пропустилъ;

Позади шла дѣвица красавица,

Красавица дѣвица Черनावушка:

Бралъ туя Чернаву за себя замужъ.

Какъ прошелъ у нихъ столованье почестень пирь,

Какъ ложился спать Садко,

А проснулся Садко во Новѣ-градѣ,

О рѣку Чернаву на крутомъ кряжу;

Какъ поглядитъ, ажно бѣжать

Свои червленые корабли по Волхову.

Поминаетъ жена Садка со дружиной во синемъ морѣ:

— Не бывать Садку со синя моря!

А дружина поминаетъ одного Садка:

«Остался Садко во синемъ морѣ!»

А Садко стоитъ на крутомъ кряжу,

Встрѣчаетъ свою дружинишку со Волхова.

Туть его ли дружина сдивовалася:

«Остался Садко во синемъ морѣ,

«Очутился впереди насъ во Новѣ-градѣ,

«Встрѣчаетъ дружину со Волхова!»

Встрѣтили Садко дружину хоробрую

И повелъ въ палаты бѣлокаменны.

Туть его жена возрадовалася,

Брала Садка за бѣлы руки,

Цѣловала во уста во сахарныя,
Началъ Садко выгружать со червленныхъ со кораблей
Имѣннице—безсметну золоту казну.
Какъ повыгрузилъ со червленныхъ кораблей,
Состроилъ церковь соборную
Николѣ Можайскому;
Не сталъ больше ѣздить
Садко въ сине море,
Сталъ поживать Садко въ Новѣ-городѣ.

2. Новгородскій удалецъ Василій Буслаевичъ.

Жилъ Буславьюшка — не старился,
Живучись Буславьюшка преставился.
Осталось у Буслава чадо милое,
Милое чадо роженое,
Молодой Васильюшка Буславъевичъ.
Сталъ Васинька на улочку похаживать,
Не легкія шуточки пошучивать:
За руку возьметъ—рука прочь,
За ногу возьметъ—нога прочь,
А котораго ударить по горбу,
Тотъ пойдетъ—самъ сутулится.
И говорятъ мужики ¹⁾ новгородскіе:
«Ай же ты, Василій Буслаевичъ!
«Тебѣ съ этой удачей молодецкою
«Наквасити рѣка будетъ Волхова».
Идетъ Василій въ широкія улочки,
Невесель домой идетъ, нерадошень,
И встрѣчаетъ его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:
— Ай же ты, мое чадо милое,
— Милое чадо роженое,

¹⁾ Мужи, горожане.

— Молодой Василий Буслаевич!

— Что идешь не весель, не радошень?

— Кто тебя на улушкѣ приобидѣлъ?

«А никто меня на улушкѣ не обидѣлъ.

«Я кого возьму за руку—рука прочь,

«За ногу кого возьму—нога прочь,

«А котораго ударю по горбу,

«Тотъ пойдетъ—самъ сутулится.

«А говорили мужики новгородскіе,

«Что мнѣ съ этою удачей молодецкою

«Наквасити рѣка будетъ Волхова».

И говорить мать таковы слова:

— Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!

— Прибирай-ка себѣ дружину хоробрую,

— Чтобъ никто тебя въ Новѣ-градѣ не обидѣлъ.

И налилъ Василий чашу зелена вина,

Мѣрой чашу полтора ведра,

Становилъ чашу среди двора

И самъ ко чашѣ приговаривалъ:

«Кто эту чашу приметъ одной рукой

«И выпьетъ эту чашу за единый духъ,

«Тотъ моя будетъ дружина хоробрая!»

И садился на ременчатъ стулъ,

Писалъ скорописчатые ярлыки;

Въ ярлыкахъ Васинька прописывалъ:

«Зоветь-жалуетъ Василий на почестенъ пирь»—

Ярлычки привязывалъ ко стрѣлочкамъ

И стрѣлочки стрѣлялъ по Новуграду.

И пошли мужики новгородскіе

Изъ тоя изъ церкви изъ соборныя,

Стали стрѣлочки похаживать,

Господа стали стрѣлочки просматривать:

«Зоветь-жалуетъ Василий на почестенъ пирь».

И собиралися мужики новгородскіе увалами,

Увалами собралися, перевалами,

И пошли къ Василью на почестенъ пирь.

И будутъ у Василья на широкомъ на дворѣ,
И сами говорятъ таковы слова:
«Ай же ты, Васильюшка Буслаевичъ!
«Мы теперь стали на твоємъ дворѣ,
«Всю мы у тя ѣству выѣдимъ,
«И всѣ напитки у тя выпьемъ:
«Цвѣтно платице повыносимъ,
«Красно золото повытачимъ.»
Эти ли рѣчи ему не слюбилися,
Высочилъ Василій на широкій дворъ,
Хватилъ-то Василій червленый вязъ,
И зачалъ онъ вязомъ помахивати:
Куда махнеть—туда улочка,
Перемахнеть—переулочекъ,
И лежать-то мужики увалами,
Набило мужиковъ какъ погодою.
И зашелъ Василій въ терема златоверхіе:
Мало ¹⁾ тотъ идетъ, мало новѣй ²⁾ идетъ
Ко Васильюшкѣ на широкій дворъ.
Идетъ-то Костя Новоторжанинъ
Ко той ко чарѣ зелена вина,
И бралъ-то чару одной рукой,
Выпилъ эту чару за единый духъ.
Какъ высочилъ Василій со новыхъ сѣней,
Хватилъ-то Василій червленый вязъ,
Какъ ударилъ Костю-то по горбу,—
Стоитъ Костя—не крянется, ³⁾
На буйной головѣ кудри не ворохнутся.
«Ай же ты, Костя Новоторжанинъ!
«Будь моя дружина хоробрая,
«Поди въ мои палаты бѣлокаменны».
Мало тотъ идетъ, мало новѣй идетъ,

1) Мало — вскорѣ.

2) Новѣй — другой.

3) Не тронется.

Идетъ-то Потанюшка хроменькій
Ко Василью на широкій дворъ,
Ко той ко чарѣ зелена вина,
Бралъ тое чару одной рукой
И выпилъ чару за единый духъ.
Какъ выскочилъ Василій со новыхъ сѣней,
Хватилъ-то Василій червленый вязъ,
Ударилъ Потанюшку по хромымъ ногамъ:

Стоить Потанюшка—не кранется,
На буйной головѣ—кудри не ворохнутся.

«Ай же, Потанюшка хроменькій!

«Будь моя дружина хоробрая,

«Поди въ мои палаты бѣлокаменны».

Мало тотъ идетъ, мало новой идетъ.

Идетъ-то Хомушка горбатеѣкій

Ко той ко чарѣ зелена вина,

Бралъ-то чару одной рукой

И выпилъ чару за единый духъ.

Того и бить не шель со новыхъ сѣней:

«Ступай-ка въ палаты бѣлокаменны

«Пить намъ напитки сладкіе,

«Бѣства-то бѣсть сахарныя,

«А бояться намъ въ Новѣ-градѣ некого!»

И прибралъ Василій три дружины въ Новѣ-градѣ.

И завелся у князя новгородскаго почестень пиръ

На многихъ князей на бояръ,

На сильныхъ могучихъ богатырей,

А молода Василья не почествовали.

Говорить онъ матушкѣ таковы слова:

«Ай же ты, государыня матушка,

«Честна вдова Авдотья Васильевна!

«Я пойду къ князьямъ на почестень пиръ».

Возговорить Авдотья Васильевна:

— Ай же ты, мое чадо милое,

— Милое чадо рожиное!

— Званому гостю мѣсто есть,

— А незваному гостю мѣста нѣтъ.
Онъ Василій матушки не слушался,
А взялъ свою дружинку хоробрую
И пошелъ къ князю на почестень пирь.
У воротъ не спрашивалъ приворотниковъ,
У дверей не спрашивалъ придверниковъ,
Прямо шель въ гридню столовую:
Онъ лѣвой ногой во гридню столовую,
А правой ногой за дубовый столъ,
За дубовый столъ, въ большой уголь ¹⁾
И тронулся на лавочку къ пестно-углу; ¹⁾
И попехнулъ Василій правой рукой,
Правой рукой и правой ногой:
Всѣ стали гости въ пестно-углу, —
И тронулся на лавочку къ верхо-углу, ¹⁾
И попехнулъ лѣвой рукой, лѣвой ногой, —
Всѣ стали гости на новыхъ сѣняхъ.
Дорогіе гости перепалися,
Отъ страху по домамъ разбѣжались.
И зашелъ Василій за дубовый столъ
Со своею дружиною хороброю.
Опять на пирь собиралися,
Всѣ на пиру наѣдалися,
Всѣ на почестномъ напивалися,
И всѣ на пиру перехвасталися.
Возговоритъ Василій Буслаевичъ:
— А нечѣмъ мнѣ-ка, Василью, похвастати:
— Я остался отъ батюшки малѣшенекъ,
— Малешенекъ остался зелѣнешенекъ.
— Развѣ тѣмъ мнѣ, Василью, похвастати:
— Ударить съ вами о великъ закладъ
— О буйной головѣ на весь на Новгородъ,

¹⁾ Большой-уголь или большо-уголь — гдѣ поставлены нѣко ы; верхо-уголь ближе къ дверямъ; пестно-уголь или пестный-уголь — противъ устья печки.

— Окромѣ трехъ монастырей—
— Спаса Преображенія,
— Матушки Пресвятой Богородицы
— Да еще монастыря Смоленскаго.

Ударили они о великъ закладъ
И записи написали,
И руки приложили,
И головы приклонили:

«Идти Василью съ утра черезъ Волховъ мость;
«Хоть свалятъ Василья до мосту,
«Вести на казень на смертную,
«Отрубить ему буйну голову;
«Хоть свалятъ Василья посередь моста,
«Вести на казень на смертную,
«Отрубить ему буйну голову;
«А ужь какъ пройдетъ третью заставу,
«Тожно больше дѣлать нечего.»

И пошелъ Василій со пира домой,
Не весель идетъ домой, не радошень.
И встрѣчаетъ его желанная матушка,
Честна вдова Авдотья Васильевна:

— Ай же ты мое чадо милое,
— Милое чадо рожное!
— Что идешь не весель, не радошень?—

Говоритъ Васильюшка Буслаевичъ:

«Я ударилъ съ мужиками о великъ закладъ
«Идти съ утра на Волховъ мость:
«Хоть свалятъ меня до моста,
«Хоть свалятъ меня у моста,
«Хоть свалятъ меня посередь моста,
«Вести меня на казень на смертную,
«Отрубить мнѣ буйну голову.
«А ужь какъ пройду третью заставу,
«Тожно больше дѣлать нечего.»

Какъ услышала Авдотья Васильевна,
Запирала въ клѣточку желѣзную,

Подперла двери желѣзныя
Тѣмъ ли вязомъ червленымъ,
И насыпала чашу красна золота,
Другую чашу чиста серебра,
Третью чашу скатна жемчуга
И понесла въ даровья ¹⁾ князю новгородскому,
Чтобъ простилъ сына любимаго.

Говорить князь новгородскій:

«Тожно прощу, когда голову срублю!»
Пошла домой Авдотья Васильевна,
Закружилась пошла, запечалилась,
Разсѣяла красно золото и чисто серебро,
И скатень жемчугъ по чисту полю,
Сама говорила таковы слова:

— Не дорого мнѣ золото, ни серебро, ни скатень жемчугъ,

— А дорога мнѣ буйная головушка

— Своего сына любимаго,

— Молода Васильюшка Буслаева.—

И спить Василій не пробудится,

Какъ собирались мужики увалами,

Увалами собирались, перевалами,

Съ тѣми шалыгами подорожными,

Кричатъ они во всю голову:

«Ступай-ка, Василій, черезъ Волховъ мость,

«Рушай-ка завѣты великіе!»

И выскочилъ Хомушка горбатенькій,

Убиль-то онъ силы цѣло сто,

Убиль-то онъ силы за третье сто,

Убиль онъ силы до пяти соть.

На смѣну выскочилъ Потанюшка хроменькій,

И выскочилъ Костя Новоторжанинъ.

И мыла служанка, Васильева портомойница,

Платьца на рѣкѣ на Волховѣ,

И стала у дѣвушки коромыселко посекаивать,

¹⁾ Въ даръ, подарокъ.

Стало коромыселко помахивать,
Убито силы-то за цѣло сто,
Убило силы-то за другое сто,
Убило силы-то за третье сто,
Убило силы-то до пяти соть.

И прискочила ко клѣточкѣ желѣзныя,
Сама говоритъ таковы слова:

— Ай же ты, Васильюшка Буславьевичь!

— Ты спишь, Василій, не пробудишься,

— А твоя-то дружина хоробрая

— Во крови ходитъ, по колѣнъ бродитъ.—

Со сна Василій пробуждается,

А самъ говоритъ таковы слова:

«Ай же ты, моя любезная служаночка!

«Отопри-ка двери желѣзныя.»

Хваталь Василій свой червленый вязъ

И пришелъ ко мосту ко Волховскому,

Самъ говоритъ таковы слова:

«Ай же, любезная моя дружина хоробрая!

«Поди-тко теперъ опочивъ держать;

«А я стану теперъ съ ребятами поигрывать.»

И зачалъ Василій по мосту похаживать,

И зачалъ онъ вязомъ помахивать:

Куда махнетъ—туда улица,

Перемахнетъ—переулочекъ.

И лежать-то мужики увалами,

Увалами лежать, перевалами,

Набило мужиковъ какъ погодою.

И встрѣчу идетъ крестовый братъ,

Во рукахъ несетъ шальгу девяноста пудъ,

А самъ говоритъ таковы слова:

— Ай же мой, крестовый брателко,

— Молодой глуздырь, ¹⁾ не попархивай,

— На своего крестоваго брата не наскакивай;

¹⁾ Глуздырь—птенець.

— Помнишь, какъ учились мы съ тобой грамотѣ:
— Я надъ тобою былъ въ тѣ поры большой братъ,
— И нынѣ-то я надъ тобою буду большой братъ.—
Говорить Василій таковы слова:
«Ай же ты, мой крестовый брателко!
«Тебя ли чортъ несетъ навстрѣчу мнѣ?
«А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется:
«Головами, братецъ, играемся.»
И ладить крестовый брателко
Шалыгой хватить Василья въ буйну голову,
Василій хватилъ шалыгу правой рукой
И биль-то брателка лѣвой рукой,
И пиналь-то онъ лѣвой ногой:
Давно у брата и души нѣтъ.
И пошелъ Василій по мосту съ шалыгой,
И навстрѣчу Васильюшку Буслаеву
Идетъ крестовый батюшка, Старичице Пилигримище:
На буйной головѣ колоколь пудовъ во тысячу;
Во правой рукѣ языкъ во пятьсотъ пудовъ.
Говорить Старичице Пилигримище:
— Ай же ты, мое чаделко крестовое,
Молодой глудырѣ, не попархивай,
На своего крестоваго батюшка не на скакивай!
И возговорить Василій Буслаевичъ:
«Ай же ты, мой крестовый батюшка!
«Тебя ли чортъ несетъ во той поры
«На своего любимаго крестничка?
«А у насъ-то вѣдь дѣло дѣется,
«Головами, батюшка, играемся.»
И сднудъ шалыгу въ девяносто пудъ,
Какъ хлыснудъ своего батюшку въ буйну голову,
Такъ рассыпался колоколь на ножевые черенья:
Стоитъ крестный—не крянется,
Желтыя кудри не ворохнутся.
Онъ скочилъ батюшку противъ очей его
И хлеснудъ-то крестнаго батюшку

Въ буйну голову промежь ясны очи:
И выскочили ясны, какъ пивны чаши.
И напустился тутъ Василій на дома на каменные,
И вышла мать Пресвятая Богородица
Съ того монастыря Смоленскаго:
«Ай же ты, Авдотья Васильевна!
«Закличь своего чада милаго,
«Милаго чада рожонаго,
«Молода Васильюшка Буслаева:
«Хоть бы оставить народу на сѣмена.»
Выходила Авдотья Васильевна со новыхъ сѣней,
Закликала своего чада милаго.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Объяснительное слово	3
I. Старшіе богатыри	17
II. Младшіе богатыри кіевскіе	24
III. Съ какихъ поръ перевелись витязи на Святой Руси	120
IV. Богатыри новгородскіе	127

Kit nyoe
suy bee
6. K -50. Stmsu

oc. pond.

Издания В. Д. Карчагина:

ВИСЛЕЙ. Рассказы из римской истории. Переводъ съ англійскаго С. НЕВЪДОМСКОЙ. Изд. 2-е. М. 1900 г., п. 40 к. Первое изданіе включено въ каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства М. Н. Пр. и для бесплатныхъ народныхъ читателей.

БУНАКОВЪ, Н. Народныя былины о русскихъ могучихъ богатыряхъ. Чтеніе для народа и народныхъ школъ, съ объяснительнымъ словомъ и примѣчаніями. Изд. 2-е, исправленное. М. 1900 г., п. 40 к. Первое изданіе включено въ каталогъ книгъ М. Н. Пр. для бесплатныхъ народныхъ читателей.

ВЪТРИНСКІЙ, Ч. Въ сороковыхъ годахъ. Историко-литературныя очерки и характеристики. (Дореформенное время. — Бѣлинскій. — Грановскій. — Искандеръ. — Боткинъ. — Кольцовъ. — Гоголь. — Никитенко и Аксаковъ. — Кн. Одоевскій. — Бѣлинскій о театрѣ. — Шевкинъ.) М. 1899 г., п. 2 р.

ЕГО ЖЕ, Т. Н. Грановскій и его время. Историческій очеркъ. М. 1897 г., п. 60 к. М. Н. Пр. допущена въ фундаментальныя библиотечныя учебныя заведенія.

ДАНЪЕВЪ, С. Открытіе и завоеваніе Мексики. Историческій рассказъ. Изд. 2-е, съ картою Мексики. М. 1898 г., п. 60 к. Третье изданіе одобрено М. Н. Пр. для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

ЕЯ ЖЕ. Открытіе Америки. Историческій рассказъ. Изданіе 4-е, съ портретомъ Колумба и латинскими картами. М. 1898 г., п. 60 к. Четвертое изданіе одобрено М. Н. Пр. для ученическихъ библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній.

ЖЕЛИХОВСКАЯ, Б. Наши войны православные. (Рассказы изъ закавказской войны во время войны 1877—1878 гг.) Съ портретомъ Великаго Князя Михаила Николаевича. Изд. 3-е. М. 1900 г., п. 20 к.

ЕГО ЖЕ. Сидорычъ Бельменный. Изд. рассказовъ стараго кавказца. Изд. 2-е. М. 1900 г., п. 10 к.

Обѣ книги включены въ каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства Мин. Нар. Пр. и для публич. народн. чтеній.

САДОВНИКОВЪ, Д. Наши землепроходцы. Рассказы о заселеніи Сибири (1581—1712 гг.). Изд. 2-е. М. 1898 г., п. 1 р. Второе изданіе одобрено М. Н. Пр. для ученич. библиот. средн. и низш. учебн. завед., для публич. народн. чтеній и бесплат. народн. читаленъ.

По мнѣнію особаго отд. да журнала Мин. Нар. Пр. отъ 16 янв. 1898 г., высказанному въ заключеніе рассмотрѣнія означенной книги: „Прекрасная книга г. Саловгакова, безъ сомнѣнія, займетъ видное мѣсто въ ученическихъ библиотекахъ“. Отзывъ „Моск. Вѣд.“ (12 декабря 1897 г., № 342)... Книга содержитъ рядъ рассказовъ о подвигахъ русскихъ людей въ далекой Сибири, начиная съ ея покоренія Ермакомъ. Написаны: живымъ, увлекательнымъ языкомъ, эти повѣствованія о „прокожденіи земли“ читаются съ большимъ интересомъ. Это именно то здоровое и полезное чтеніе, въ которомъ у насъ чувствуется большой недостатокъ. Издана книга очень чисто и цѣна ея не дорога.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга, въ книжныхъ складахъ Вятскаго, Новгородскаго и Саратовскаго губернскихъ земствъ и у издателя (Москва, Тверская, д. Сущкина).

Цѣна 40 коп.

